

GISAP: PHILOLOGICAL SCIENCES

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

№ 6 Liberal* | January 2015

Expert board:

Marianna Balasanyan (Georgia), Daniela Grava (Italy), Galina Kontsevaya (Republic of Belarus), Elena Kosykh, Marina Zheltukhina, Alexandra Zalevskaya (Russia), Magdalena Petrova Kostova-Pananyotova, Mariyana Parzulova (Bulgaria), Jemal Mehmed (Turkey)

“Hypothetics: everlasting stories”

The plump shortish student with freckles on his face and the mop of red unruly hair was experiencing serious difficulties answering to apparently not a difficult question of the teacher. The young man hardly managed to say the non-connected words alternated by long pauses and followed by the convulsive movements of the linked fingers.

The other listeners who filled the room silently looked at the unlucky colleague. And only his funny neighbour looking like a ripe pink apple because of his fatness and short height was intensively browsing through the exercise book did his best to help his friend.

- So, Frodo? - professor of Anglo-Saxon language of Rawlinson and Bosworth in Pembroke-college of the Oxford University John Ronald Reuel Tolkien raised his tired eyes on the student. - Well, can't you really tell me under the influence of what languages did the rich morphology of Old English language form? ...My dear Frodo, after all I've devoted my entire previous lecture to this matter. Were you were present on it?

- I am Fred - Frederick! - The embarrassed student answered.

- Excuse me, what? - Professor Tolkien asked again absent-mindedly.

- I am saying that my name is Frederick - not Frodo, - said the beetle-browed young man, - And for some reason you keep on addressing me with this strange name and examining me on every lesson.

- If it is so, I sincerely apologize, - the teacher smiled confusedly and suddenly burst out laughing loudly, having thrown his head back, - Absolutely overworked, you know! With enthusiasm I write at night and sometimes, probably, I am too zealous with this...

Professor thoughtfully walked along the lecturing chair and again addressed the interlocutor:

- Anyway, Frederick, tell me, please, what influence has the Latin version of the alphabet of Anglo-Saxon language felt from the side of its more ancient forms?

Fred wrinkled his forehead, showing attempts to recollect something familiar, but its efforts were apparently fruitless. However the loyal companion of the red student straightened out his sleeve and began to prompt something quickly, covering his mouth with a chubby palm.

- Runic alphabet! - suddenly Fred uttered solemnly and his eyes became cheerful at last.

- And you, dear assistant to our speaker, probably, Sam? - professor addressed a round-faced prompter.

- Well, in fact my name is Samuel. Friends often call my “Samy”, but “Sam” would also do! - the round-faced student rose from a bench with grunting. He became red and looked down. - But, you know what, Mr. Tolkien, you really do examine Fred at every class. And then you turn to me.

- Yes-yes, friends, I will now explain you everything, - professor Tolkien sat down on the edge of a teacher's table and moved his hands to opposite directions with a smile, - as I have already told you, I have been writing a fascinating adventure story recently. Throughout all the course of Anglo-Saxon language that we study, day by day I observe you Frederick and Samuel having problems with answering my questions at the classes really well, but persistently helping each other. Gradually the friendship and mutual assistance involuntarily turned you into prototypes of main characters of my book... So it turned out! I don't know when I finish this book. I am not sure whether it will be published and will it be interesting to readers... But one thing I know for sure: personally I find Frodo and Sam to be very nice, and their best qualities I admitted and borrowed in this audience...

With these words John Ronald Reuel Tolkien said goodbye to the surprised students and went towards the exit of the room. On the half-way he turned back and addressed everyone present:

- Yes, friends, all the answers given today got their marks. Your answer, Mr. Frederick, I estimate as unsatisfactorily. I hope you will be better prepared for the next lesson. At least, Frodo would act quite this way...

Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
January 17, 2015

GISAP: Philological sciences №6 Liberal* (January, 2015)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov
Copyright © 2015 IASHE

ISSN 2053-1532
ISSN 2053-1540 (Online)

Design: Yury Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Standichenko, Valentina Kuznetsova

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom
Phone: +442032899949, e-mail: office@gisap.eu, web: http://gisap.eu

! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article

Print journal circulation: 1000

“*Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of the development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”

CONTENTS

B. Zaika , <i>Sumy State University, Ukraine</i> THE PHENOMENON OF ABBREVIATIONS AND APOCOPES THROUGH THEIR FORMATION PERSPECTIVE.....	3
T. Suvorova , <i>Kyiv National Linguistic University, Ukraine</i> COUNTERPOINT AS THE ORGANIZING PRINCIPLE OF THE VERBAL POETIC IMAGES SYSTEM.....	5
L. Shutiaik , <i>Lviv National University named after: I. Franko, Ukraine</i> LANGUAGE PECULIARITIES OF «THE NEW JOURNALISM» (ON THE EXAMPLE OF THE UKRAINIAN MEDIA).....	9
F. Sametova , <i>University Kaynar, Kazakhstan</i> DETERMINATION OF SPECIFICITY OF PERCEPTING THE CONCEPT OF “TIME” THROUGH THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT.....	12
O. Kasymova , <i>Bashkir State University, Russia</i> THE LANGUAGE SYSTEM HOMEOSTASIS	16
M. Balasanian , <i>Samtskhe-Javakheti State University, Georgia</i> YOUTH SLANG IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE.....	18
Zh.B. Abildinova , <i>Pavlodar state pedagogical institute, Kazakhstan</i> THE CONCEPT OF ETHNOS IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW.....	21
Y. Zubenko , <i>Kostanay State Pedagogical Institute, Kazakhstan</i> MODAL WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE.....	24
I. Vakorina , <i>Smolensk State University, Russia</i> POETIC TEXTS AS INDIVIDUAL AUTHORS’ REPRESENTATIONS OF THE VALUE-RELATED COMPONENT OF AFRO-AMERICAN CONCEPT OF “MOTHERHOOD”	26
E.T. Shirinova , <i>Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Uzbekistan</i> LOAN-WORD AS THE WAY TO ENRICH THE BANKING AND FINANCIAL TERMINOLOGY OF THE UZBEK LANGUAGE.....	30
O. Tarasenko , <i>Military Academy, Odessa National Maritime Academy, Ukraine</i> ANTONYMS AND SYNONYMS IN ARTISTIC SPEECH BY V. VINNICHENKO: LINGUO-STYLISTIC ASPECT.....	34
O. Radchenko , <i>Drogobych State Pedagogical University named after Ivan Franko, Ukraine</i> THE POETIC WORD AS THE CREATOR OF BEING IN MARTIN HEIDEGGER’S HERMENEUTICS.....	38
L. Shchiglo , <i>Sumy State University, Ukraine</i> STUDYING THE MOTIVATIONAL RELATIONS OF LEXICAL UNITS.....	41
L. Storozhenko , <i>National University of «Kyiv-Mohyla Academy», Ukraine</i> HERMENEUTICAL HORIZONS OF THE EPOCH IN BORYS TENETA’S PROSE.....	43

CONTENTS

B. Zaika , <i>Sumy State University, Ukraine</i> THE PHENOMENON OF ABBREVIATIONS AND APOCOPESES THROUGH THEIR FORMATION PERSPECTIVE.....	3
Суворова Т.Н. , <i>Киевский национальный лингвистический университет, Украина</i> КОНТРАПУНКТ КАК ОРГАНИЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП СИСТЕМЫ СЛОВЕСНЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ.....	5
Шутяк Л.М. , <i>Львовский национальный университет им. И. Франко, Украина</i> ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ «НОВОГО ЖУРНАЛИЗМА» (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКИХ СМИ).....	9
Саметова Ф.Т. , <i>Университет Кайнар, Казахстан</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ВОСПРИЯТИЯ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» ПОСРЕДСТВОМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.....	12
О. Kasymova , <i>Bashkir State University, Russia</i> THE LANGUAGE SYSTEM HOMEOSTASIS	16
Баласанян М.А. , <i>Самцхе-Джавахетский государственный университет, Грузия</i> МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	18
Zh.B. Abildinova , <i>Pavlodar state pedagogical institute, Kazakhstan</i> THE CONCEPT OF ETHNOS IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW.....	21
Y. Zubenko , <i>Kostanay State Pedagogical Institute, Kazakhstan</i> MODAL WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE.....	24
Вакорина И.В. , <i>Смоленский государственный университет, Россия</i> ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ КАК ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА АФРОАМЕРИКАНСКОГО КОНЦЕПТА “MOTHERHOOD” (“МАТЕРИНСТВО”).....	26
Ширинова Е.Т. , <i>Ташкетский государственный педагогический университет им. Низами, Узбекистан</i> ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОБОГАЩЕНИЯ БАНКОВСКО-ФИНАНСОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА.....	30
Тарасенко О. Д. , <i>Военная академия, Одесская национальная морская академия, Украина</i> АНТОНИМЫ И СИНОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ В.ВИННИЧЕНКО: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	34
Радченко О. А. , <i>Дрогобычский государственный педагогический университет им. Ивана Франко, Украина</i> ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО КАК СОЗИДАТЕЛЬ БЫТИЯ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА.....	38
L. Shchiglo , <i>Sumy State University, Ukraine</i> STUDYING THE MOTIVATIONAL RELATIONS OF LEXICAL UNITS.....	41
L. Storozhenko , <i>National University of «Kyiv-Mohyla Academy», Ukraine</i> HERMENEUTICAL HORIZONS OF THE EPOCH IN BORYS TENETA’S PROSE.....	43

THE PHENOMENON OF ABBREVIATIONS AND APOCOPES THROUGH THEIR FORMATION PERSPECTIVE

B. Zaika, Postgraduate Student
Sumy State University, Ukraine

Evolution of the society influences the language development not only by nomination extension, but also through significant change of speech conditions. There appeared a new communication rule - the more important the message is, the greater its redundancy is. Sometimes it is necessary to drop some language elements and the way it will result in the general message quality. Abbreviations and apocopes are the units helping to avoid the speech redundancy in different ways.

Keywords: apocope, derivation, speech redundancy, acronym, spelling violation.

Conference participant

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i6.845>

The question of the abbreviation formation conditions is a burning issue for many linguists. It's necessary to give an appropriate for to imagine the possibilities abbreviation gives and to predict further tendencies in their development.

Many scientists tend to explain such popularity in the perspective of the fast life tempo. This explanation is a bit subjective since it does not take into account the linguistic nature of the abbreviations. It is the common knowledge that abbreviations in the English language appeared as a form of borrowings' assimilation. Due to this the foreign words pronunciation became closer to the English native phonetic system with its monosyllables. For example, old French *desporter* – to entertain shortened in English and became a word *sport*. It changed not only the sound form, but also the meaning of this word.

It is important to note that the society needs the mass nomination at this stage of social development [1]. That is why semantic derivation, borrowings and abbreviations together with the traditional methods of word formation - derivation and composition, are playing the important role in the vocabulary enrichment.

However, the evolution of society influences the language development not only by nomination extension, but also in a significant speech condition change. It is vividly in the information flow increasing, the communication means development results in the particular graphic shortenings appearance. There appeared a new communication rule - the more important the message is, the greater its redundancy.

These above mentioned factors connect abbreviations with the live

speech conditions. They can explain why it is sometimes necessary to drop some language elements and how it will result in general message quality.

However, the modern languages observation shows that the abbreviations are widely used in all spheres of the human activities they are particularly connected with specific branches of these activities (I mean their professional level). The abbreviations exist often in the professional area. The everyday close contact of experts results on the long words and word combination replacement by more easy structures [3]. Such abbreviations and shortenings may exist in a particular area, but in some cases (*radar, telescope, etc.*) they become the part of the colloquial language.

In different areas different structural types of shortenings are used. For example, the routine conversation presupposes the usage of the apocopes and word combinations than abbreviations.

Apocopes are peculiar for the all slang types (IT, newspapers). For example, *ad* frequently appears in the newspaper pages and TV programs as the shortened word *advertisement* and *admin* is used instead of *administrator*. For example: *These ads are too long to watch them all my life. Hey, somebody call the admin or I'll try to connect the server by myself.*

Abbreviations are often technical terms, names of groups and organizations. Abbreviations are used more often than the terms they're describing: *PM* (*project manager*), *PC* (*personal computer*), *ETA* (*estimated time of arrival*).

Acronyms are used not as often as abbreviations do. Restrictions on their usage are connected with the head word denotative meaning. Thus, the units *RAM* (*random - access memory*), *ROM*

(*read - only memory*) are used in the IT area only; *HIM* (*health information manager*), *MOM* (*milk of magnesia*) are used in medicine.

The usage of newly created constructions is quite popular among the brand names in sports, fashion [1]. For example, the well-known brand *Adidas* is the result of the first and last name connection - *Adi Dassler*, who is the company founder. It is well-known for its sports clothing and footwear.

The shortenings existence and usage as well as the existence of any other linguistic unit connected with the range of modern linguistic problems. The graphic form is more important for the shortenings than for other language units. The most striking feature is the spelling violation, which predetermines the existence of multiple spelling variations: one shortening can be written by the upper and lower case letters, with dots between the letters and without them [2]. Sometimes dots in shortenings are used to distinguish them from the homonymous words: *fig.* = *figure*. Dot is used not to confuse this shortening with the word *fig*.

Specific features of shortenings structure and spelling creates the possibility for the new implementation ways in speech. Many of the shortenings that have fixed graphic form can be read in different ways.

One more feature is that they can possess take different grammatical forms and are sensitive to their changes. For example, the category of gender: it is a common knowledge that there is no such category in English. Nevertheless it's possible to mark the gender with the help of lexical means – personal pronouns (*a cat, he-cat, she-cat*). Referring to the humans it's possible to add names to abbreviation not to abuse somebody. There was a movie *G.I. Jane* which (1997). The title describes

the female soldier, while male one could be named *G.I. Joe*.

Talking about shortenings we can't be absolutely positive about the nature of their appearance. But we are able to distinguish them on the linguistic basis and follow the regularity formation.

References:

1. Adams, V. An Introduction to Modern English Word Formation. - London., Longman, 1973. - 230 p. [http://dx.doi.org/10.1016/0024-3841\(75\)90044-3](http://dx.doi.org/10.1016/0024-3841(75)90044-3)
2. Pichkur A.I., Treshcheva M.S. Computer jargon «Usertalk» as a linguistic phenomenon. Language and

Culture. - Samara, 1999., pp. 69-73.

3. Skrebnev Y.M. English Stylistics Fundamentals. - Moskva., 2003. - 221 p.

Information about author:

1. Bogdana Zaika - Postgraduate Student, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: nur.dasei@gmail.com

- Promotion of international consolidation and cooperation of business structures
- Promotion of development of commercial businesses of various kinds
- Assistance in settlement of relations and businessmen with each other and with social partners in business environment
- Assistance in development of optimal industrial, financial, commercial and scientific policies in different countries
- Promotion of favorable conditions for business in various countries
- Assistance in every kind of development of all types of commercial, scientific and technical ties of businessmen of different countries with foreign colleagues
- Promotion of international trade turnover widening
- Initiation and development of scientific researches, which support the effective development of businesses and satisfy the economic needs of the society
- Expert evaluation of activities in the field of settlement of commercial disputes, establishment of quality standards and defining of factual qualitative parameters of goods and services
- Legal and consulting promotion of business
- Establishment and development of activities of the international commercial arbitration
- Exhibition activities
- Holding of business and economic forums

COUNTERPOINT AS THE ORGANIZING PRINCIPLE OF THE VERBAL POETIC IMAGES SYSTEM

T. Suvorova, Postgraduate student
Kyiv National Linguistic University, Ukraine

In the article the author describes the contemporary tendency of rapprochement of natural sciences and Philology. This allows applying the methodological apparatus of the natural sciences in examination of the verbal poetic images system, the organizing principle of which is the counterpoint.

Keywords: verbal poetic images, system, counterpoint, levels, information.

Conference participant, National Research Analytics Championships

КОНТРАПУНКТ КАК ОРГАНИЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП СИСТЕМЫ СЛОВЕСНЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Суворова Т.Н., аспирант
Киевский национальный лингвистический университет,
Украина

В статье освещаются современные тенденции к сближению точных и филологических наук. Это позволяет привлекать методологический аппарат точных наук при исследовании функционирования системы словесных поэтических образов, организующим принципом которой является контрапункт.

Ключевые слова: словесные поэтические образы, система, уровни, информация.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i6.844>

Ввиду стремительного развития различных областей знания и открытого доступа к результатам научных исследований, которые существенным образом влияют на понимание места и роли человека в общей картине мира, современный ученый вынужден учитывать достижения не только в узкоспециализированной сфере, но и ориентироваться на данные тех наук, которые могут помочь ему лучше понять свою проблему. Современный облик науки определяется естественно-научным комплексом знаний и характеризуется технологичностью как результатом этой тенденции в развитии знаний о мире. По этой причине проникновение методов точных наук в гуманитарные не вызывает противостояния со стороны, к примеру, филологов. Напротив, математические формулы, графы, моделирование и так далее дают возможность проникнуть вглубь лингвистической проблемы или, наоборот, изменив масштаб, отдалиться от предмета исследования и посмотреть на него с другой позиции.

Одну из таких точек зрения представила теория относительности, когда наблюдатель стал неотъемлемой частью исследования [Ярославцева: 37]. Таким образом, антропный принцип стал основополагающим и позволил сделать выводы о том, что человек, являясь частью макромира, как биологический вид занимает определенную «экологическую нишу» [Баксанский: 29], которая получила название мезокосм (термин Г. Фоллмера). Это, в свою очередь, объясняет возможности познавательного аппарата человека

как такого, который сформировался в ходе филогенетической адаптации к условиям мира средних размерностей. Таким образом, когнитивный аппарат отсеивает ту часть информации, которую не в состоянии воспринять, и поэтому, согласно теории У. Матураны и Ф. Варелы, окружающий мир предстает перед нами чем-то зыбким, тем, что каждый человек творит каждый раз заново [Баксанский: 39; Фещенко: 104]. Этот биологический подход лег в основу теории аутопоззиса живых систем, что подразумевает фундаментальное свойство живых систем самообновляться при функционировании, и сам процесс такого самообновления [Фещенко: 103].

Теория аутопоззиса связала поэтику как науку о художественном мире с миром естественного знания, дала толчок к пониманию творчества как непрерывной когнитивной деятельности [Маслова: 27], результатом которой есть конструирование особого мира [Белехова 2013; Фещенко 2006; Глазунова 2012; Воробьева 2008; Маслова 2013]. Картина художественного мира вообще и поэтическая картина мира как ее частность с точки зрения когнитивной поэтики возникают в образном пространстве, которое служит средой существования поэтических образов [Белехова: 314; Маслова: 32]. Субъективность создания такой картины мира обусловлена пониманием поэтического творчества как разновидности познавательной деятельности человека, в ходе которой формируется особый вид знания [Белехова: 10 – 34] по средством перцептивно-когнитивно-аффективной

базы [Залевская 2005: 441]. Таким образом, выводное знание как в творческом акте, так и в субъективном освоении мира опирается на эмоционально-чувственный опыт, который в процессе категоризации посредством механизмов мышления [Глазунова: 235] оформляется в индивидуальные репрезентации в зависимости от presuppositions и импликаций как факторов, влияющих на множественность интерпретаций мира. Наше знание фиксируется и представляется в ходе речемыслительной деятельности как текст [Чернявская: 127].

В рамках семиотического подхода художественное произведение является ассиметричным образованием, совмещающим в себе материальное – текст в виде вербальных знаков и духовное – смысл, то есть закодированные чувства, мысли и представления автора, формирующего «модель жизни» по Ю. Лотману [Глазунова: 234; Фещенко: 95; Лотман 1968]. Естественный язык обладает большой размерностью, которая есть не только знаково-семиотической, но и семантической. «Смысл многомерных – полиморфных – слов раскрывается при их употреблении в их взаимодействии» [В. Налимов: 71]. То есть, язык выступает средством продуцирования смысла текста. Само «тело текста» [Залевская 2001: 157] в виде вербальных знаков не имеет эвристической значимости «без продуцирующего и воспринимающего его человека». Применительно к творчеству участниками художественного процесса выступают как автор поэтического произведения, так и адресат, которые

«оживляют» текст «через ментальные структуры, позволяющие человеку продуцировать художественные образы особого концептуального содержания, межконцептуальных связей и механизмов формирования художественного смысла [Маслова: 28].

Следовательно, современный подход к изучению художественного текста как сложного, многомерного и динамического ментального образования позволяет исследователю опираться не только на достояния семиотической и когнитивной парадигм научного знания, но и привлечь синергетическую методологию для более точного понимания принципов образования, развития и перерождения художественных систем.

Поэтический текст является таким видом творчества, в котором представлена особая смысловая концентрация [Карасик: 182], которая «стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство» [Новиков 1999]. Такое понимание творческого процесса указывает на тот факт, что тексты есть носителями знания автора, который избирательно и целенаправленно воплощает его в языковой форме [Чернявская: 123 – 131]. Так как исследователь относительно текста выступает в роли адресата, то в нашем исследовании природы взаимодействия словесных образов как системы будем также исходить из позиций адресата. Текст, таким образом, расценивается как носитель информации, запускающий рецептивную переработку содержащегося в тексте знания в сознании адресата [Чернявская: 127]. Текст как формальное средство выражения представляет собой совокупность лексических единиц, которые соотносятся с соответствующим набором понятий, образуя таким образом не только протяженность, но и объем [Глазунова: 236]. Созданное автором художественное пространство представляет субъективную модель мира, которая создается на языке общенародном, что значит язык сам по себе «менее индивидуален и в большей степени принадлежит времени, эпохе...» [Лютман 1998: 5 – 7]. Этот факт

свидетельствует о том, что работа сознания адресата зависит от его компетенции [Белехова 2013], активизирует и актуализирует различные концепты, ассоциации, пресуппозиции реализуя при этом возможность множественности интерпретаций [Чернявская: 127]. Адресат выступает своего рода «нелинейным преобразователем» [В.Налимов 2003], который в процессе интерпретации текста структурирует поэтическое пространство благодаря когнитивным процессам (симуляция, эмпатизация и инференция), операциям и процедурам [Белехова 2013]. Поскольку процессы апперцепции поэтического текста относятся к сфере сознания, то являются не изолированными, а включают в себя различные варианты восприятия и осмысления окружающей действительности, соответствующих логическим формам познания: ощущения, переживания, впечатления на уровне эмоций; ассоциации (бытовые, традиционные, социальные) на смысловом уровне; на абстрактно-логическом, понятийно-логическом, иерархическом и других уровнях [Глазунова: 241]. Следовательно, смысл поэтического целого как интенция творческого процесса предполагает множественность вывода читательских смыслов [Чернявская: 128], а значит это есть процесс исключительной сложности, невзирая на ограниченность ментальных структур и операций.

Воспринимая очередное сцепление языковых знаков разного уровня адресат заново проходит через всю цепочку ментально-чувственных апперцепций, которые наслаиваются друг на друга, формируя представления сначала об отдельных словосочетаниях, предложениях, строфах и затем о произведении в целом [Глазунова: 242]. Описанные апперцепции не являются алгоритмом процесса восприятия текста, а лишь описывают возможные его этапы. В ходе интерпретации текста адресат одновременно воспринимает логически разворачиваемую во времени и пространстве речь и переживает «магию» поэтического эмоционального влияния.

В рамках семиотики текст это макрознак, который содержит информацию разного плана – содержательно-

фактуальную, концептуальную и подтекстовую [Гальперин: 41 – 50]. Эта информация представляет собой знания об авторской модели мира, и при интерпретации адресатом может быть сокращена, расширена или деформирована. Это обусловлено «творческим семиозисом», «творческим блужданием по становящимся, незавершенным, формирующимся возможностям» [Тарасенко: 172]. Сама процессуальность восприятия поэтического текста объясняется тем, что поэтическое творчество подвержено двум тенденциям – памяти, возобновляющей образы в максимальном приближении к эталону, и воображению, которое преобразует образы в новые ментальные модели разных уровней концептуализации [Маслова: 32].

Согласно теории семантики возможных миров [Л.Долежел, М.Райан, А.Баранов] текст формирует ментальное пространство, где функционируют образы, как компоненты поэтического текста, объединяясь сложными связями в единую систему. Сам словесный поэтический образ с позиций когнитивной поэтики является трехмерной величиной, включающей передконцептуальную, концептуальную и вербальную составляющие [Белехова: С. 10 – 34], которые определяются на основе комплекса критериев с учетом функционального, семантического, синтаксического и когнитивного параметров образа. Каждый словесный поэтический образ формируется в рамках ментальных пространств [Ж.Фоконье, М. Тернер]. В процессе развертывания поэтического пространства определенного произведения словесные поэтические образы взаимодействуют, образуя совокупности высшего порядка. Можно предположить, что каждый раз, переходя от одной точки текстового пространства к другой, наше сознание совершает петлю, оказываясь в скрытых ментально-чувственных измерениях, в которых и приобретает новые формы мыслей, ощущений, впечатлений [Глазунова: 242]. Такая «странная петля», по выражению Д. Хофштадтера [Д. Хофштадтер: 671 – 672], стирает границы между произведением, представлением адресата и его поведением. Понимание сложного процесса

интерпретации смысла поэтического текста коррелирует с поведением «странных аттракторов» в синергетике. Таким образом, когнитивный процесс моделирования знания в поэтическом тексте есть рекурсивным, всеохватывающим и происходящим в соответствии с волновой функцией, где каждый подъем содержания текста – это событие перехода или перерождения словесного поэтического образа в новую структуру.

Поскольку словесные поэтические образы формируют систему реализующую смысл произведения, воплощая информацию разного плана на разных уровнях функционирования, то полное понимание смысла возможно, если учитывать взаимодействие содержательно-фактуальной, концептуальной и подтекстовой информации, равно как и эффекты от их взаимодействия. Контрапункт как принцип сложной организации системы словесных поэтических образов представляется важным при интерпретации смысла произведения.

М. Бахтин первым ввел в литературное произведение музыкальный термин «полифонизм», или «многоголосие». «Его задача – преодолеть величайшую художественную трудность – создать из разнородных, разнотенных и глубоко чуждых материалов единое и цельное художественное создание» [Бахтин: 23]. Полифония М. Бахтина придает тексту произведения симфонического звучания.

В нашем исследовании мы используем термин «контрапункт», так как подразумеваем только сам принцип взаимодействия разных уровней, кодов и элементов в рамках освещения темы системы словесных поэтических образов. Перспективным, на наш взгляд, является подробное изучение взаимодействия различных уровней информации поэтического произведения с позиций интегративного подхода на основе семиотико-когнитивной и лингвосинергетической методологии.

References:

1. Baksanskii O.E. Kucher E.N. Kognitivno-sinergeticheskaya paradigma NLP: Ot poznaniya k deistviyu [Cognitive-synergetic paradigm of NLP: From cognition to action], Issue. 3-d. – Moskva., KRASAND, 2010. – 184 P.
2. Bakhtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of works by Dostoevsky], Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii [Collection of works], Vol. 2. – Moskva., Russkie slovari [Russian dictionaries]. 2000., p. 23.
3. Belekhova L.I. Prototipicheskoe i neprototipicheskoe prochenie poeticheskogo teksta (na materiale amerikanskoi poezii) [Prototypical and non-prototypical interpretation of poetic texts (using materials of the American poetry)]. KOGNITsIYa. KOMMUNIKATsIYa. DISKURS [COGNITION. COMMUNICATION. DISCOURSE]. – 2013., No. 6., pp. 10-34.
4. Belekhova L.I. Integrativna model' interpretatsii poetichnikhtekstiv u konteksti perekladu [Integrative model of interpretation of poetic texts in the context of translation]. Problema zistavnoi semantiki [The comparative semantics problem]. Issue. 5 / Worked. ed. M.P. Kochergan– Kiev., KDLU, 2001., pp. 314–321.
5. Vorobiova O.P. Poetika khvil' v konteksti emotsiinogo rezonansu (naris z kognitivnoi emotiologii) [Poetics of waves in the context of emotional resonance (sketch on the cognitive emotiology)] O.P. Vorob'eva, Mova, kul'tura i osvita v suchasnomu sviti: zb. nauk. prats' do 90-richchya doctor filol. n., prof.. O.K. Romanovs'kogo [Language, culture and education in the modern world: Collection of scientific works of the 90th anniversary of Doctor of Philology, Professor O.K. Romanovs'ky], vypuskajushhij redaktor Stishov O.A. [issuing editor Stishov O.A.]. – Kiev., 2008., pp. 126–135.
6. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research], I. R. Gal'perin. – Moskva., Nauka, 1981. – 139 P.
7. Glazunova O.I. Sinergetika tvorchestva: Opyt analiza khudozhestvennogo teksta [Synergetics of creativity: Experience of the artistic text analysis], Introduction G.G. Malinetskogo. – Moskva., Knizhnyi dom «LIBROKOM» [Book house «LIBROKOM»], 2012. – 344 P.
8. Karasik V.I. Yazykovaya matritsa kul'tury [Language matrix of culture] – Moskva., Gnozis, 2013. – 320 P.
9. Zalevskaya A.A. Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy [Psycholinguistic research. Word. Text: Selected Works] – Moskva., Gnozis, 2005. – 543 P.
10. Lotman Yu.M. Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya [The problem of artistic space in the prose by Gogol], Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Tartu State University]. 1968. Issue. 209. Trudy po russkoi i slavjanskoi filologii [Works on the Russian and Slavic philology], Vol. 11., pp. 6–7.
11. Lotman Yu.M. Struktura khudozhestvennogo teksta [The artistic text structure], Lotman Yu.M. Ob iskusstve [About arts] – Saint Petersburg., Iskustvo [Arts] – Sankt-Peterburg., 1998., p. 36.
12. Maslova Zh.N. Poeticheskaya kartina v kontekste gumanitarnogo i filologicheskogo znaniya [Poetic picture in the context of humanitarian and philological knowledge], KOGNITsIYa. KOMMUNIKATsIYa. DISKURS [COGNITION. COMMUNICATION. DISCOURSE]. – 2013., No. 6., pp. 10–34.
13. U. Maturana, F. Varela, Drevo poznaniya. [The tree of knowledge] – Moskva., 2001.
14. Nalimov V.V. Veroyatnostnaya model' yazyka: O sootnoshenii estestvennykh i iskusstvennykh yazykov [Probabilistic model of language: on the correlation between natural and artificial languages], 3rd ed. Tomsk. – Moskva., 2003., p. 71.
15. Semiotika i Avangard: Antologiya [Semiotics and Avantgarde: The Anthology], Editor-compiler Yu.S. Stepanov, N.A. Fateeva, V.V. Feshchenko, N.S. Sirotkin. Edited by. Yu.S. Stepanova. – Moskva., Akademicheskii Proekt; Kul'tura [Academic Project; Culture], 2006. – 1168 P.
16. Tarasenko V.V. Fraktal'naya semiotika: «slepye pyatna», peripetii i uznvaniya [Fractal semiotics «blind spots», peripeteia and recognition], Edited

by Yu.S. Stepanova, Issue. 2-e. – Moskva., Knizhnyi dom «LIBROKOM» [Book house «LIBROKOM»], 2012. – 232 P.

17. Khofshtadter D.R. Gedel', Esher, Bakh: eta beskonechnaya girlyanda [Gödel, Escher, Bach: this endless garland]. – Samara., Bakhrakh-M, 2004. – 718 P.

18. Chernyavskaya V.E. Tekst statichen ili tekst protsessualen? [Is the text static or procedural?], KOGNITSiYa. KOMMUNIKATsIYa. DISKURS. [COGNITION. COMMUNICATION. DISCOURSE], – 2010., No. 1., pp. 123–131.

19. Yaroslavtseva E. Chelovek v sovremennoi setevoi paradigme: monografiya [The man in the modern network paradigm: the monograph] – Moskva., «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2011. – 352 P.

20. Fauconnier G. Mapping in Thought and Language, G. Fauconnier. – Cambridge University Press, 1997. – 205 P. <http://dx.doi.org/10.1017/cbo9781139174220>

21. Semino E. Language and World Creation in Poems and Other Texts., E. Semino. – London.-New York., Longman, 1997. – 274 P. <http://dx.doi.org/10.4324/9781315841021>

22. Turner M. The Literary Mind: The Origin of Thought and Language., M. Turner. – New York., Oxford., Oxford University Press, 1998. – 187 P.

Литература:

1. Баксанский О.Е. Кучер Е.Н. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: От познания к действию. Изд. 3-е. – М.: КРАСАНД, 2010. – 184 с.

2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М.

Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русские словари. 2000. – С. 23.

3. Белехова Л.И. Прототипическое и непрототипическое прочтение поэтического текста (на материале американской поэзии) // КОГНИЦИЯ. КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. – 2013. – № 6. С. 10 – 34.

4. Белехова Л.И. Интегративна модель інтерпретації поетичних текстів у контексті перекладу // Проблема зіставної семантики. Вип. 5 / Відп. ред. Кочерган М.П. – К.: КДЛУ, 2001. – С. 314 – 321.

5. Воробйова О.П. Поэтика хвиль в контексті емоційного резонансу (нарис з когнітивної емотіології) / О.П. Воробьева // Мова, культура й освіта в сучасному світі: зб. наук. праць до 90-річчя д. філол. н., проф. Романовського О.К.: [відп. ред. Стишов О.А.]. – К., 2008. – С. 126 – 135.

6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.

7. Глазунова О.И. Синергетика творчества: Опыт анализа художественного текста / Предисл. Г.Г. Малинецкого. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 344 с.

8. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. – 320 с.

9. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

10. Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1968. Вып. 209. (Тр. по рус. и слав. филологии. Т. XI). С. 6 – 7.

11. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб. 1998. – С. 36.

12. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина в контексте гуманитарного и филологического знания // КОГНИЦИЯ. КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. – 2013. – № 6. С. 10 – 34.

13. Матурана У., Варела Ф. Древнее познания. – М., 2001.

14. Налимов В.В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. 3-е изд. Томск. – М., 2003. – С. 71.

15. Семиотика и Авангард: Антология / Ред.-сост. Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин. Под общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Академический Проект; Культура, 2006. – 1168 с.

16. Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания / Закл. ст. Ю.С. Степанова. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 232 с.

17. Хофштадтер Д.Р. Гедель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. Самара.: Бахрах-М, 2004. – 718 с.

18. Чернявская В.Е. Текст статичен или текст процессуален? // КОГНИЦИЯ. КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. – 2010. – № 1. С. 123 – 131.

19. Ярославцева Е. Человек в современной сетевой парадигме: монография. – М.: «Канон +» ROOI «Реабилитация», 2011. – 352 с.

20. Fauconnier G. Mapping in Thought and Language / G. Fauconnier. – Cambridge University Press, 1997. – 205 p. <http://dx.doi.org/10.1017/cbo9781139174220>

21. Semino E. Language and World Creation in Poems and Other Texts / E. Semino. – L.; N.Y.: Longman, 1997. – 274 p. <http://dx.doi.org/10.4324/9781315841021>

22. Turner M. The Literary Mind: The Origin Of Thought and Language / M. Turner. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1998. – 187 p.

Information about author:

1. Tatiana Suvorova - Postgraduate student, Kyiv National Linguistic University; address: Ukraine, Kyiv city; e-mail:sl1s@i.ua

LANGUAGE PECULIARITIES OF «THE NEW JOURNALISM» (ON THE EXAMPLE OF THE UKRAINIAN MEDIA)

L. Shutiak, Postgraduate student
Lviv National University named after. I. Franko, Ukraine

This article deals with the concept of new journalism, its linguistic and stylistic features and conceptual characteristics. The dominant features of the genre, inherent in the texts of modern Ukrainian online media are highlighted. The main attention is focused on the linguistic attributes of characters in these materials, which testify to the belonging of the analyzed publications to the new journalism.

Keywords: new journalism, language, dialogue, online media, columnism.

Conference participant

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ «НОВОГО ЖУРНАЛИЗМА» (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКИХ СМИ)

Шутяк Л.М., аспирант
Львовский национальный университет им. И. Франко,
Украина

В статье исследуется понятие «новый журнализм», лингвостилистические особенности и концептуальные характеристики данного феномена. Выделяются доминантные признаки жанра, присущие текстам современных украинских Интернет-СМИ. Основное внимание обращено на языковые атрибуты персонажей этих материалов, свидетельствующие о принадлежности проанализированных публикаций к «новому журнализму».

Ключевые слова: новый журнализм, язык, диалог, Интернет-СМИ, колумнистика.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i6.846>

Термин «новый журнализм» (далее – «НЖ») начал активно использоваться в начале 60-х годов XX века в США. Им обозначают журналистско-литературный жанр, возникший «на основе различных инновационных элементов в выборе тем, языка и угла зрения повествования» [2, с. 335]. Главный принцип «нового журнализма» – «максимум правдивости не только касательно самого содержания, но и во всех деталях рассказа, последовательности в документальности построения отдельных сцен, точности деталей, естественности диалогов и т.д.» [6, с. 175]. Среди других названий «НЖ» используются также литературная / нарративная журналистика, субъективный журнализм, паражурнализм, нон-фикшн, гонзо-журнализм и т.п.

Упомянутый термин впервые профессионально обосновал писатель и журналист Том Вулф (1931). В предисловии к составленной им в 1973 году антологии «Новый журнализм», автор показывает историю понятия, «того, что впоследствии было названо «школой», а также «причины, по которым против нее выступают устоявшиеся традиционные журналы и консервативные литераторы» [3, с. 320]. Как утверждает российский исследователь Д. Харитонов, «в отличие от фактофиков, Вулф не был пленен идеей «объективного» письма; действительность, в его представлении, подлежит запечатлению не такой, «какая она есть», но такой, какой она переживается пишущим, – поэтому стремление к правдивости и точности не исклю-

чает субъективности, а как раз предполагает ее» [11, с. 7]. Отметим, что, по сравнению с классической журналистикой ведущих американских медиа послевоенного времени, «НЖ» пытался быть не только «новым», но и «журналистским жанром с литературными претензиями» [2, с. 336]. То есть, он априори позиционировался как пограничный между литературой и журналистикой.

Том Вулф выделяет четыре основные приемы, присущие «НЖ»:

- выстраивания материала сцена-за-сценой, когда повествование внезапно переходит от одного эпизода к другому;
- обязательное присутствие репортера на месте происшествия, подробная фиксация диалогов персонажей, позволяющая лучше раскрыть их личность через речь;
- принцип «хамелеона»: возможность посмотреть на определенное явление глазами его участников, постоянное изменение точки зрения, когда журналист позволяет себе вмешаться во внутренний мир очевидцев происшествия;
- описание жестов действующего лица, его характера, привычек, манеры говорить, интерьера, где происходит событие и др. [3, с. 43-48].

Следовательно, наличие в журналистских текстах именно этих четырех приемов (выстраивание материала сцена-за-сценой, диалог, точка зрения и детализация статуса человека) позволяют причислять их к «новому журналистскому».

К представителям жанра относят американских писателей и публицистов Тома Вулфа, Гей Тализа, Джимми Бреслина, Трумэна Капоте, Нормана Мейлера, Джоан Дидион, Хантера С. Томпсона и др. Из-за больших объемов текстов, их материалы публиковались не в газетах, а в журналах. Например, таких как «The Atlantic Monthly», «Harper's», «Esquire», «New York», «The New Yorker», «Rolling Stone» и др.

Среди примеров «НЖ» в украинском медиaprостранстве назовем книгу эссе Оксаны Забужко «Let my People Go: 15 текстов про українську революцію», «Вирвані сторінки з автобіографії» Марии Матиос, дорожные истории (с англ. – road story) Максима Кидрука, частично опубликованные в журнале «Український тиждень» и изданные отдельными книгами – «Подорож на Пуп Землі» (2 томи), «Навіжені в Перу», «Навіжені в Мексиці», «Любов і піраньї», а также «Авантюра, або практичні реалії мандрів по-бідняцьки: Еротико-політичний документальний калейдоскоп» и «Подорож із Мамайотою в пошуках України» Артема Чапая. Первая, кстати, выходила в виде периодически обновляемых записей в блоге и лишь впоследствии была опубликована как полноценная книга.

«Ново-журналистскими» также считаем авторские колонки украинских публицистов и писателей Андрея Бондаря, Светланы Пырко, Виталия Жежеры, Николая Рябчука, Александра Бойченко, Ирэн Карпы, Макси-

ма Кидрука и др. в таких изданиях, как «Українська правда. Життя», «Газета по-українськи», «Погляди. ТСН», журналах «Український тиждень», MANDRY и т.д. Идеальной платформой для «НЖ» стали также Интернет-блоги, так называемые сетевые дневники, где каждый желающий может продемонстрировать свое журналистское и литературное мастерство.

Одной из определяющих характеристик жанра является язык действующих лиц, героев материала. Сленг, звукоподражания (например, ой-ой, ох, о-о, уххх), диалектизмы, разглагольствования являются необходимым признаком «НЖ»-текстов. Именно они обеспечивают колоритность речи героев статьи, а, следовательно, и самого материала. Для полноценного и адекватного раскрытия личностей главных персонажей своего материала «нью-журналист» прибегает к фиксации речи героев и их подачи в статье без необходимого редактирования.

В большинстве «НЖ»-публикаций наблюдаем также доминирование диалогов, которые позволяют лучше раскрыть характеры людей, осмыслить мотивацию их поступков.

Апеллируя к языковым особенностям как одного из существенных приемов упомянутого жанра, «ново-журналисты» активно используют его даже в названии текстов. В частности, глава «НЖ» Том Вулф известен своими репортажами и сборками журналистских материалов «Конфетнора-скрашенная апельсиннолепестковая обтекаемая малютка» (The Kandy-Kolored Tangerine Flake Streamline Baby, 1963-1965), «Электропрохладительный кислотный тест» (The Electric Kool-Aid Acid Test, 1968) и др. Такими языковыми экспериментами «ново-журналисты» не просто привлекали внимание, но и бунтовали против законов традиционной журналистики. Подобным подходом они иногда вызвали резкое неприятие среди ее апологетов.

В современной украинской прессе и Интернет-СМИ регулярно встречаем материалы, написанные в «ново-журналистском» жанре. Приведем некоторые примеры с точки зрения языковой идентификации: «рвані туфлі, показався, пожалуйста, самі

любимі, самоуверенно держався, що я поняв лучше помогти, проволку, у руках вертів, потом улыбатися, вздохнув з облегченієм, по карманам, дістає оттуда, тувельки в кулочки, зустрічалися, одів, кожний раз, воз-дух, іностраниці, врач [5]; «дівочки, я упахалася!» [4]; «рішили, поговорим о житні, носки, пригласимо, матушка» [8]; «розстроїлася, якась мутка, купу шмоток, валили запитаннями, бешена популярність, опозорила, все рівно» [9]; «ми перехватували машини, що везли сміття зі стройок, і сюди гнали, тоже, на пологах складується в клубок і просто котись. А на фініші вже як получиться, швирияти, понятніше, папа» [10], «Ви останніми заїжджали в кооператив. От я зараз повишу на ворота замок, і хрін ви заїдете в кооператив» [1], «Не, ну ти мусиш мати машину!.. Ти що, не мужик? Мудак якийсь, чесне слово! І цейво, тіки іномарку!» [7, с. 22], «Прифет! Пока! Да-а-а, карашо! – радо галдикав мексиканець» [7, с. 154] тощо.

Ети и другие примеры свидетельствуют о применении языковых особенностей, присущих «НЖ», в украинской прессе и Интернет-пространстве. Собственно, речь героев материала (сленг, звукоподражание, диалектизмы, разглагольствования т.д.) является одной из определяющих характеристик при определении принадлежности текста к «новому журнализму». Авторы журналистских публикаций стремятся как можно точнее изобразить своих героев, в чем существенное значение полагается на их речь. Поэтому представители «НЖ» прибегают к детальной фиксации особенностей диалогов персонажей своих текстов, чем обеспечивают неповторимость образов и интерес к ним со стороны читателей.

References:

1. Bondar A. Skoba [Crampon]., [Electronic resource]. Andrii Bondar. Access mode: http://gazeta.ua/ru/articles/bondar/_skoba/422837
2. Vaishenberr Z. Zhurnalistika ta media: dovidnik [Journalism and media: handbook]., Zirfrid Vaishenberr, Gans I. Klyainshoiberg, Bergard P'orken; translated from german language P. Demeshko and K. Makeev., ed. by

V.F. Ivanova, O.V. Voloshenyuk. - Kiev., Tsentr Vil'no'i Presi, Akademiya Ukrain's'ko'i Presi [Center for Free Press, Academy of Ukrainian Press]., 2011., pp. 335-337.

3. Vulf T. Novaya zhurnalistika i Antologiya novoi zhurnalistiki pod redaktsiei Toma Vulfa and E.U. Dzhonsona [New journalism and Anthology of new journalism edited by Tom Wolfe and William E. Johnson]., Tom Vulf; translated from English by D. Blagova and Yu. Balayana. - Saint Petersburg., Amfora. TID Amfora., Seriya «Amfora 21» [“Amphora 21” Series], 2008. – 574 P.

4. Gembik O. Charivnitsi [Enchantresses]., [Electronic resource] Ol'ga Gembik. – Access mode: http://gazeta.ua/articles/gembik/_charivnici/420642.

5. Dzekh S. «Z usikh zv'ozd ya til'ki z Yarmol'nikom podruzhivsyia» [Among all “stars” I had friendship only with only with Yarmolnik]., [Electronic resource] Sergii Dzekh. – Access mode: <http://gazeta.ua/articles/people-newspaper/421492>.

6. Zdorovega V. Teoriya i metodika zhurnalists'ko'i tvorchosti: pidruchnik [Theory and methods of journalistic work: a textbook]., Volodimir Zdorovega. – 2-d Ed., edited and compiled. – L'viv., PAIS, 2004. – 268 P.

7. Kidruk M. Meksikans'ki khroniki. Istoriya odniei Mrii [Mexican chronicles. One dream history], Maksim Kidruk. – Kiev., Nora-Druk, 2009. – 304 P. – Mandri.

8. Korzhenko S. «Uchora nochuvala u Vasi, vin storozh na stoyantsi» [Yesterday I spent a night at Vasiya's house, he is watchman at the parking]., [Electronic resource] S. Korzhenko, A. Kantonistova, P. Palamarchuk. Access mode: http://gazeta.ua/articles/people-newspaper/_uchora-nochuvala-u-vasi-vin-storozh-na-stoyanci/421084.

9. Ostapovets' G. Kotvits'ku nadurili na 700 tisyach griven' [Kotvitska was swindled and lost 700 000 UAH]., [Elektronii resurs] G. Ostapovets'. Access mode: <http://gazeta.ua/articles/people-newspaper/421688>.

10. Ostapovets' G. Na lizhi mozna stavati v chotiri roki [One can ski since the age of 4] [Electronic resource] G. Ostapovets'. Access mode: <http://gazeta.ua/articles/people-newspaper/421472>

11. Kharitonov D.V. «Novyi zhurnalizm» v sravnitel'no-istoricheskoi perspektive (programmy literaturnogo osvoiniya fakta v SShA 1960-kh godov i v Rossii 1920-kh : dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.03. [«New Journalism» in a comparative historical perspective (programs of mastering the fact in literature – in 1960s in the USA and in 1920s in Russia: the dissertation by the Candidate of Philology: 10.01.03]. Kharitonov Dmitrii Vladimirovich. – Moskva., 2010. – 188 s.

Література:

1. Бондар А. Скоба [Електронний ресурс] / Андрій Бондар. – Режим доступу: http://gazeta.ua/ru/articles/bondar/_skoba/422837

2. Вайшенберг З. Журналістика та медіа : довідник / Зігфрід Вайшенберг, Ганс Й. Кляйнштойберг, Бернгард Пьоркен ; [пер. з нім. П. Демешко та К. Макєв ; за заг. ред. В.Ф. Іванова, О.В. Волошенюк]. - К.: Центр Вільної Преси, Академія Української Преси, 2011., С. 335-337.

3. Вулф Т. Новая журналистика и Антология новой журналистики под редакцией Тома Вулфа и Э.У. Джонсона / Том Вулф; [пер. с англ. Д. Благова и Ю. Балаяна]. - СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. – 574 с. (Серия «Амфора 21»).

4. Гембік О. Чарівниці [Електронний ресурс] / Ольга Гембік. – Режим доступу: / http://gazeta.ua/articles/gembik/_charivnici/420642.

5. Дзех С. «З усіх звезд я тільки з Ярмольником подружився» [Електронний ресурс] / Сергій Дзех. – Режим доступу: <http://gazeta.ua/articles/people-newspaper/421492>.

6. Здоровега В. Теорія і методика журналістської творчості: підручник / Володимир Здоровега. – 2-ге вид., переробл. і доп. – Львів : ПАІС, 2004. – 268 с.

7. Кідрук М. Мексиканські хроніки. Історія однієї Мрії / Максим Кідрук. – К.: Нора-Друк, 2009. – 304 с. – Мандри.

8. Корженко С. «Учора ночувала у Васі, він сторож на стоянці» [Електронний ресурс] / С. Корженко, А. Кантоністова, П. Паламарчук. – Режим доступу : <http://gazeta.ua/articles/>

people-newspaper/_uchora-nochuvala-u-vasi-vin-storozh-na-stoyanci/421084.

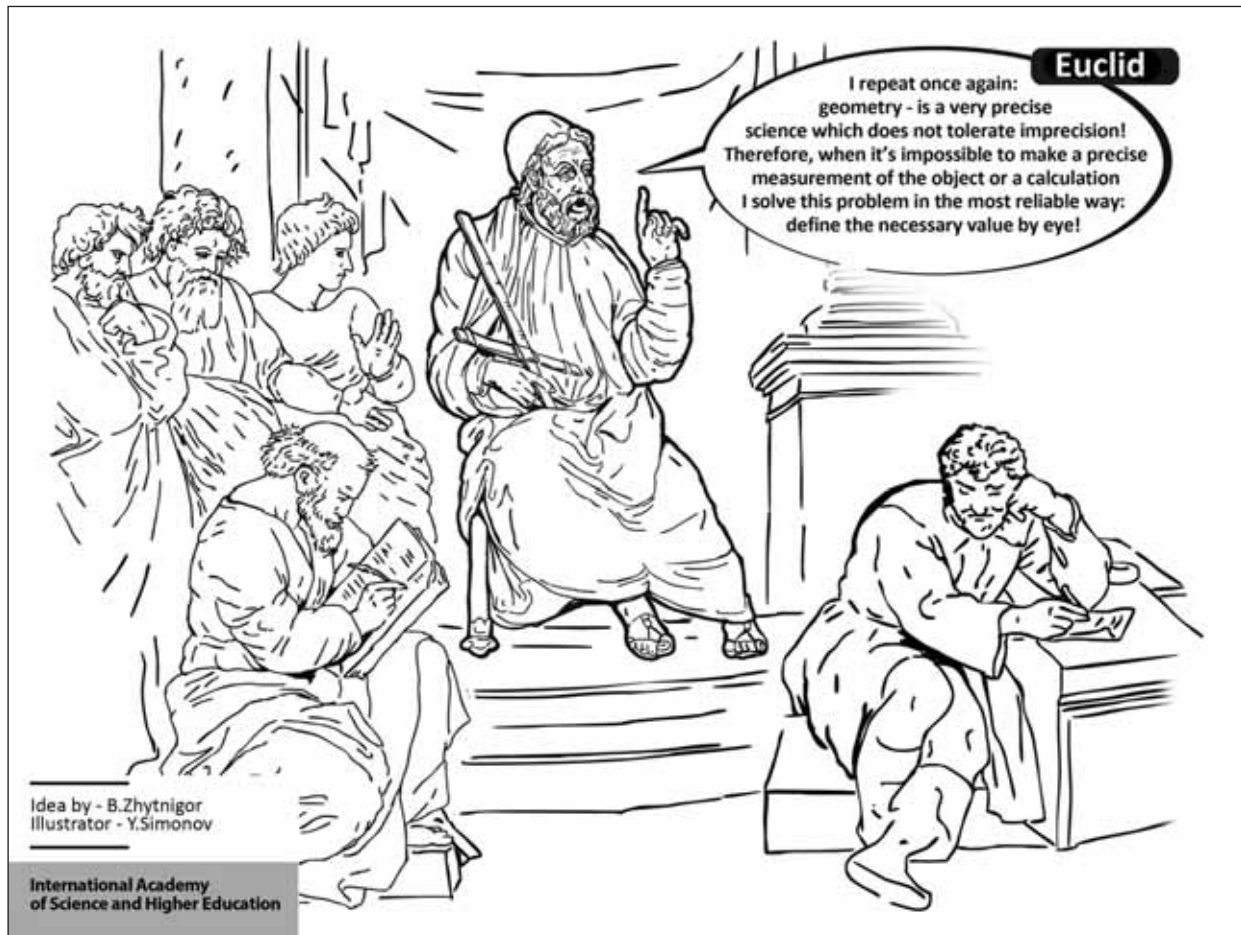
9. Остаповець Г. Котвицьку надурили на 700 тисяч гривень [Електронний ресурс] / Г. Остаповець. – Режим доступу: <http://gazeta.ua/articles/people-newspaper/421688>.

10. Остаповець Г. На ліжжі можна ставати в чотири роки [Електронний ресурс] / Г. Остаповець. – Режим доступу : <http://gazeta.ua/articles/people-newspaper/421472>

11. Харитонов Д.В. «Новый журнализм» в сравнительно-исторической перспективе (программы литературного освоения факта в США 1960-х годов и в России 1920-х : диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.03 / Харитонов Дмитрий Владимирович. – М., 2010. – 188 с.

Information about author:

1. Lilia Shutiak - Postgraduate student, Lviv National University named after. I. Franko; address: Ukraine, Chernivtsi city; e-mail: shutiak86@gmail.com

DETERMINATION OF SPECIFICITY OF PERCEPTING THE CONCEPT OF "TIME" THROUGH THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT

F. Sametova, Candidate of Philology, Professor
University Kaynar, Kazakhstan

Axiological ideas that have developed in the certain lingual culture, their refractions in individual consciousness affect the semantic content of lingual-cultural concepts. Psycholinguistic experiments allow making a slice of modern reactions on the examined concept. In this report the author considers the results of detection of specificity of perception of the "time" concept by language consciousness of Kazakhs and Russians using the associative experiment.

Keywords: concept, associative experiment.

Conference participant, National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ВОСПРИЯТИЯ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» ПОСРЕДСТВОМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Саметова Ф.Т., канд. филол. наук, проф.
Университет Кайнар, Казахстан

Сложившиеся в определенной лингвокультуре аксиологические представления, их преломления в индивидуальном сознании накладывают отпечаток на смысловое содержание лингвокультурных концептов. Психолингвистические эксперименты позволяют сделать срез современных реакций на исследуемый концепт. В данной статье рассматриваются итоги выявления специфики восприятия концепта «время» языковым сознанием казахов и русских с помощью ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: концепт, ассоциативный эксперимент.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i6.847>

Ассоциативные эксперименты относятся к числу давно применяемых и достаточно широко распространенных методов исследования в психолингвистике для изучения психологического, категориального и предметного значения слова, а также в процессе межязыковых и межкультурных исследований. Подобная популярность ассоциативного эксперимента объясняется рядом причин. Прежде всего, можно отметить относительно простую технику проведения, не требующую лабораторных условий и специальной аппаратуры, а также возможность вовлечения большого количества испытуемых. Для проведения психолингвистических исследований важна массовость, поскольку при достаточном количестве информантов реакции, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, демонстрируют обширную картину связей как семантических, так и формальных, объективно существующих в сознании носителя языка [1, 2]. Еще одной значимой причиной является специфика работы со словом (изолированность слова-стимула), которая исключает влияние речевого контекста на реакции испытуемых и позволяет экспериментатору получить достаточно объективные данные о том, «какие именно признаки стимула оказываются наиболее актуальными при его идентификации и вызывают активацию соответствующих связей в лексиконе» [2; 18].

Ассоциации, являясь овнешнениями неосознаваемых слоев образов сознания, способны моделировать вер-

бальную память и языковое сознание «усредненного» носителя языка. Они репрезентируют феномен массового сознания носителей определенного языка и оказываются способными убедительно выявлять национально-культурную специфику образов сознания носителей разных лингвокультурных сообществ [3; 83].

Мы решили экспериментальным путем выявить наиболее типичные ассоциации на концепт «время». С целью анализа ассоциаций со словами *уақыт* / *время* нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент с регистрацией цепи ответов, выданных за определенный промежуток времени, или эксперимент с продолжающейся реакцией, в котором приняли участие студенты казахского (60 человек) и русского (60 человек) отделений университетов г. Алматы. Испытуемым предлагалось дать столько реакций (слов) на слово-стимул *уақыт* / *время*, сколько они смогут или успеют воспроизвести за пять минут.

При этом общая цель была конкретизирована следующим образом: выявить и описать универсальную и национально-культурную специфику восприятия слова-стимула *уақыт* / *время* как фрагмента языковой картины мира носителей разных языков, в соответствии с чем в задачи эксперимента входило:

– определить наиболее частотные реакции на слово-стимул *уақыт* / *время*;

– отметить факты совпадения ре-

акций носителей разных – русского и казахского – языковых сознаний;

– выявить и описать частотные реакции, составляющие ядро концептов *уақыт* / *время*;

– проанализировать наличие последовательно поступающих ассоциаций в ответах респондентов.

В ходе эксперимента получены следующие результаты. Стимул «уақыт» (анкеты, заполненные на казахском языке) вызвал всего 239 реакций, из них:

227 слов: күн (день) – (18); ай (месяц, луна) – (17); жыл (год) – (15); қазір (сейчас) – (15); сағат (часы) – (13); түн (ночь) – (13); жазда (летом) – (12); кеш (вечер) – (12); бүгін (сегодня) – (11); ғасыр (век) – (11); күнтізбе (календарь) – (10); сосын (потом) – (8); өмір (жизнь) – (8); мезгіл (период) – 8; заман (эпоха) – (7); сәрсенбі (среда) – (7); жок – (6); анда-санда (иногда) – (6); түнжарым (полночь) – (5); қиын (трудно, трудный) – (4); кәрілік (старость) – (4); жылдам – (3); ертемен (с раннего утра) – (3); мерзім (срок) – (2); кешігу – (2); кемпір (старуха) – (1); немере (внук) – (1); алтын (золото) – (1); күміс (серебро) – (1); ұйқы – (1); өлшелі (измеряемо) – (1), күнде (каждый день) – (1);

5 словосочетаний: тез бол, кешігіп қалма, ертеңгі күн, түстен кейін, студенттік өмір;

7 предложений: Уақыт алтыннан да қымбат. Уақытты үнемдей білу керек. Менің ойыма уақыт түссе, сабақ оқу есіме түседі. Әр жүрген нәрсенің

өзінің уақыты бар. Уақыт деген алтын, ол өзіне берілген уақытты дұрыс пайдалыну. Уақыт деген ол – сабақ, жүрген жолың, әр нәрсені уақытымен істеген жөн. Уақытсыз күнделікті өмірің қиын.

Стимул «время» (анкеты, заполненные на русском языке) вызвал 312 реакций, из них:

266 слов: часы (16); минута (13); секунда (12); годы (11); быстро (11); жизнь (11); сейчас (10); деньги (10); завтра (10); день (9); сегодня (9); опоздание (8); будущее (8); период (7); летом (7); час (6); спешка (6); века (6); месяцы (6); сутки (6); успех (5); бизнес (4); дела (4); дети (4); дом (4); любовь (4); старость (3); молодость (3); отдых (3); ветер (2); отдыхать (2); знакомые (1); проведение (1); проспал (1); благополучие (1); благотворительность (1); отдыхать (1); новости (1); передача (1); ожидание (1); промежуток (1); стрелки (1); не успеваю (1); скука (1); вечность (1); бесконечность (1); расстояние (1); друзья (1); ожидание (1); нетерпение (1); грусть (1); печаль (1); стук (1); встреча (1); область (1); восприятие (1); ощущение (1); волна (1); прошлое (1); настоящее (1); время (1); сон (1); летит (1); пролетит (1); лечение (1); свободное (1); уделить (1); вставать (1); солнце (1); жизнь (1); человек; молодой (1); старый (1); снег (1); дождь (1); поезд (1); родные (1); река (1); темп (1); быстрота (1); пунктуальность (1); пространство (1); циферблат (1); медленно (1); веселье (1); история (1); прогнозирование (1); пятница (1); воскресенье (1); осознание (1); стрелки (1);

26 словосочетаний: времена года (3); хорошее будущее (2); свободное время (2); время работы (2); время глагола (2); приятное времяпровождение (1); быстро летящие дни (1); временное состояние (1); временные неприятности (1); временные проблемы (1); время суток (1); время лечит (1); достижение цели (1); ручные часы (1); хроническая нехватка времени (1); теория Эйнштейна (1); машина времени (1); школьные годы (1); на старости лет (1); дряхлый старик (1);

18 предложений: Это временно (2). Который час (2)? Сколько времени? Время – часы. Время – жизнь. Время течет в будущее, также время

– это настоящее, прошлое, будущее. Время – это поспешность действий. Время прошло. Время – добиться поставленной перед собой цели! И просто жизнь... Это явление, которое мы не можем контролировать. Время невозможно остановить и потрогать. Всем всегда мало времени. Все сразу не успеешь. «Время бежит», – говорят люди. – Думаю о том, что не успею многое сделать, жизнь проходит. Время бесконечно, но не для всех.

Паремии: Делу время, а потехе – час. Время – деньги.

Выделим первые десять наиболее частотных реакций на стимул «уақыт/время» (расположенных от большего к меньшему числу испытуемых). В казахском языковом сознании (стимул «уақыт») это следующие ассоциаты: күн (день) – (18); ай (месяц, луна) – (17); жыл (год) – (15); қазір (сейчас) – (15); сағат (часы) – (13); түн (ночь) – (13); жазда (летом) – (12); кеш (вечер) – (12); бүгін (сегодня) – (11); ғасыр (век) – (11).

В русском языковом сознании стимул «время» вызвал следующие наиболее частотные ассоциации: часы (16); минута (13); секунда (12); годы (11); быстро (11); жизнь (11); сейчас (10); деньги (10); завтра (10); день (9); сегодня (9). Вдвое большая частотность реакции «күн/день» носителей казахского языка по сравнению с носителями русского языка (18:9) и, следовательно, высокая частотность ее употребления в казахском языке, на наш взгляд, объясняется тем, что у лексемы «күн» два денотата: 1) солнце и 2) день. Поэтому в языковом сознании носителя казахского языка вне контекста актуализируются оба омонима: и күн I («солнце»), и күн II («день»).

Как видим, имеются совпадения не только самих реакций на стимул «уақыт/время» у испытуемых – носителей казахского языка и испытуемых – носителей русского языка, но и совпадение их частотности (с небольшими погрешностями, выраженными в абсолютных числах). Так, совпадают следующие ассоциаты и почти совпадает их частотность: часы – 13 у студентов, обучающихся на казахском отделении (КО), 16 – у студентов, обучающихся на русском отде-

лении (РО); год – 15 (КО), 11 (РО); сейчас – 15 (КО), 10 (РО); сегодня – 11 (КО), 9 (РО); день – 18 (КО), 9 (РО). Иначе говоря, из десяти наиболее частотных реакций на предъявляемый стимул «уақыт/время» у респондентов – носителей казахского языка и респондентов – носителей русского языка совпало 5: сағат/часы, жыл/год, қазір/сейчас; бүгін/сегодня, күн/день, что составляет большинство наиболее частотных реакций информантов – носителей казахского и русского языков. Всего же из 312 русских и 239 казахских ассоциаций совпало 105. Это, по нашему мнению, подтверждает тезис об универсальности категории времени и представлений о нем в языковом сознании разных этносов, тем более, что вышеназванные пять совпавших высокочастотных слов-реакций – сағат/часы, жыл/год, қазір/сейчас, бүгін/сегодня, күн/день – входят в список ключевых слов концепта «уақыт/время» и находятся в его ядерной зоне.

Анализ лексем, обозначающих время, позволил выделить наиболее ярко выраженные субконцепты в составе концепта «уақыт/время»: «мерзім/ұзақтық // отрезок времени/длительность», «жылдамдық//скорость, «жас//возраст». В разрезе субконцептов реакции информантов дают следующую картину.

Субконцепт «мерзім/ұзақтық» представлен в сознании информантов, заполнивших анкеты на казахском языке, следующими реакциями: күн (день) – (18); ай (месяц, луна) – (17); жыл (год) – (15); қазір (сейчас) – (15); сағат (часы) – (13); түн (ночь) – (13); жазда (летом) – (12); кеш (вечер) – (12); бүгін (сегодня) – (11); ғасыр (век) – (11); күнтізбе (календарь) – (10); сосын (потом) – (8); мезгіл (период) – 8; заман (эпоха) – (7); сәрсенбі (среда) – (7); жок – (6); анда-санда (иногда) – (6); түнжарым (полночь) – (5); қиын (трудно, трудный) – (4); кәрілік (старость) – (4); жылдам – (3); ертемен (с раннего утра) – (3); мерзім (срок) – (2); кешігу – (2), кемпір (старуха) – (1); немере (внук) – (1); алтын (золото) – (1); күміс (серебро) – (1); ұйқы – (1); өлшегі (измеряемо) – (1), күнде – (1).

Субконцепт «жылдамдық»: жылдам – (3); тез бол; кешігу; кешігіп қалма.

Субконцепт «жас»: өмір (жизнь) – (8); кәрілік (старость) – (4); кемпір (старуха) – (1); немере (внук) – (1).

Субконцепт «отрезок времени / длительность» представлен в сознании информантов, заполнивших анкеты на русском языке, следующими реакциями: часы (16); минута (13); секунда (12); годы (11); быстро (11); жизнь (11); сейчас (10); деньги (10); завтра (10); день (9); сегодня (9); будущее (8); период (7); час (6); века (6); месяцы (6); сутки (6); отдых (3); отдыхать (2); новости (1); передача (1); ожидание (1); промежутки (1); стрелки (1); скука (1); вечность (1); бесконечность (1); расстояние (1); грусть (1); печаль (1); стук (1); встреча (1); область (1); восприятие (1); ощущение (1); волна (1); прошлое (1); настоящее (1); время (1); сон (1); свободное (1); снег (1); дождь (1); пространство (1); циферблат (1); история (1); пятница (1); воскресенье (1); времена года (3); хорошее будущее (2); свободное время (2); время работы (2); приятное времяпровождение (1); быстро летящие дни (1); временное состояние (1); временные неприятности (1); временные проблемы (1); время суток (1); время лечит (1); достижение цели (1); ручные часы (1); хроническая нехватка времени (1); машина времени (1); школьные годы (1); Это временно (2); Который час? (2); Сколько времени? Время – часы. Время – жизнь. Время течет в будущее, также время – это настоящее, прошлое, будущее. И просто жизнь... Время бесконечно, но не для всех.

Субконцепт «скорость»: быстро (5); успех (5); бизнес (4); ветер (2); прохождение (1); проспал (1); летит (1); пролетит (1); вставать (1); поезд (1); темп (1); быстрота (1); пунктуальность (1); стрелки (1); не успеваю (1); Время прошло; Время бежит.

Субконцепт «возраст»: дети (4); старость (3); молодость (3); ожидание (1); нетерпение (1); лечение (1); жизнь (1); человек; молодой (1); старый (1); родные (1); река (1); медленно (1); веселье (1); на старости лет (1); дряхлый старик (1); Время невозможно остановить.

Семантический анализ полученных реакций с точки зрения их отнесенности к составляющим понятий-

ную зону субконцептам, выявление степени их частотности в языковом сознании современных казахов и русских дает возможность описания ценностной составляющей концепта «уақыт/время» в казахской и русской концептосферах. Так, если значения «длительности», «отрезка времени» ядерной зоны в казахской картине мира представлены наиболее частотными реакциями күн (день) – (18); ай (месяц, луна) – (17); жыл (год) – (15); қазір (сейчас) – (15); сағат (часы) – (13); түн (ночь) – (13); жазда (летом) – (12); кеш (вечер) – (12); бүгін (сегодня) – (11); ғасыр (век) – (11); күнтізбе (календарь) – (10); сосын (потом) – (8); мезгіл (период) – 8; заман (эпоха) – (7), то в русской картине мира более частотными и, следовательно, значимыми, оказались понятия, выражаемые словами: часы (16); минута (13); секунда (12); годы (11); летом (11); жизнь (11); сейчас (10); завтра (10); день (9); сегодня (9); будущее (8); период (7); час (6); века (6); месяцы (6); сутки (6).

Как видим, в казахском языковом сознании совсем не представлены *минута* (13); *секунда* (12); *будущее* (8), высокочастотные в русском языковом сознании; и 8 раз встретилось *сосын* («потом»), отсутствующее среди реакций на русском языке. Очевидно, такое соотношение неслучайно, поскольку реакции, характеризующие субконцепт «жылдамдық/скорость», распределены так же. Среди реакций на стимул «уақыт» встретилось лишь пять, связанных с понятием «быстро»/«медленно», причем фактически единичных: *жылдам* (3); *тез бол* (1); *кешігу* (1); *кешігіп қалма* (1); *өлішелі* (измеряемо); в то время как на стимул «время» (на русском языке) их гораздо больше: *быстро* (11); *успех* (5); *бизнес* (4); *ветер* (2); *летит* (1); *пролетит* (1); *поезд* (1); *темп* (1); *быстрота* (1); *пунктуальность* (1); *стрелки* (1); *быстро летящие дни*, *хроническая нехватка времени*.

Представляется интересным то, что респонденты не ограничились однословными реакциями: стимул «уақыт/время» вызвал довольно разнообразными, порой неожиданные ассоциации. Так, в сознании казахов возникли ассоциативные связи

«уақыт» – не только «алтын» (золото), но и «күміс» (серебро), и *немере* (внук). Возможно, сказывается генетически передаваемое ценностное отношение к серебру: прапрабабушки нынешних студентов предпочитали серебряные украшения, а понятие «внук» может репрезентировать сильные межпоколенные связи в казахской семье, когда представители трех поколений: дедушки-бабушки, родители и внуки – как правило, живут под одной крышей.

Кроме того, в анкетах немало высказываний о ценности времени, его скоротечности и необратимости: *Уақыт алтыннан да қымбат; Уақытты үнемдей білу керек и др.* Эти реакции наводят на мысль о том, что объективно происходящие перемены в окружающем нас, быстро меняющемся мире приводят к изменениям и в нашем сознании. Время, еще десять лет назад в казахском языковом сознании представлявшееся как «более стабильное, растяжимое, длительное» [10], сегодня в умах современных казахов приравнивается по ценности золоту (№1, 5), серебру, поэтому любое дело нужно выполнять своевременно (№4, 7), рационально использовать время (№2), извлекать из него уроки (№6).

Не менее красноречивы реакции респондентов, заполнивших анкеты на русском языке: «Время – это поспешность действий» (1); «Время прошло» (2); «Время бежит», – говорят люди (3). – *Думаю о том, что не успею многое сделать, жизнь проходит* (4); «Время – жизнь» (5), *Время течет в будущее, также время – это настоящее, прошлое, будущее.* (6) *И просто жизнь...*» (7). В четырех из семи приведенных высказываний (№№ 2, 3, 4, 6) отмечается динамизм и необратимость времени, в двух (№№5, 7) время рассматривается как жизнь. Ассоциация времени с жизнью приводится и на уровне отдельной лексемы, присутствует и в анкетах респондентов-казахов.

Таким образом, эти данные коррелируют с выводами ассоциативного эксперимента, проведенного С.В. Дмитриюком, о том, что «В сознании современного русского время, в силу устойчивости распространенного вы-

ражения, измеряется *деньгами*, его *нет* или *мало* (ср.: еще 20 лет назад по данным ассоциативного словаря А.А. Леонтьева (Леонтьев 1977, с.20) в составе ассоциативного поля данного стимула реакция *деньги* еще не была столь частой (12 раз из 200). У казахов понятие времени связано с его «протяженностью», «течением» [4], в то же время наблюдаются изменения в восприятии времени казахским языковым сознанием. В нем усматривается отношение ко времени как к ценности, которую нужно беречь и которой нужно разумно пользоваться.

Универсальность времени проявилась в том, что в картине мира и казахов, и русских значимыми являются: *сағат/часы, жыл/год, қазір/сейчас, бүгін/сегодня, күн/день*, которые входят в группу ключевых слов анализируемого концепта. Кроме того, смысловой анализ слов-ассоциатов, представленных в анкетах на казахском и русском языках, выявил три группы значений, актуализируемых стимулом «уақыт/время»: а) «мерзім/ўзактық // отрезок времени/ длительность» (их подавляющее большинство), б) «жылдамдық//скорость» и в) «жас//возраст», выделяемых в качестве субконцептов исследуемого концепта «уақыт/время».

Как видим, языковые выражения с обозначением времени называют не только отрезок, промежутки, длительность времени как физической сущности, но и содержат в себе оценочный компонент, а именно показывают

современное отношение субъекта ко времени: сегодня время конституируется как ценный ресурс и для него характерно чрезвычайное ускорение. Таким образом, ассоциативное поле, по мнению психолингвистов, является отображением (в форме вербального овнешнения) языкового сознания носителя языка, поэтому его анализ предоставляет возможность получить доступ непосредственно к способам хранения образов языкового сознания представителей разных лингвокультур.

References:

1. Leont'ev A.A. Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost' [Language, speech, speech activity] – Moskva., Prosveshchenie [Enlightenment], 1969. – 214 P.
2. Ershova T.A. Russko-nemetskie assotsiativnye portrety (opyt interpretatsii): dis... kand. filol. nauk. [Russian-German associative portraits (interpretation experience): dissertation by the Candidate of Philology]. – Moskva., 1998. – 149 P.
3. Dmitryuk N.V. Svobodnyi assotsiativnyi eksperiment kak sposob dostupa k issledovaniyu yazykovogo soznaniya [Free association experiment as a way of accessing the language consciousness study]. Vestnik Kokshetauskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sh. Ualikhanova. Seriya «Filologicheskaya» [Bulletin of the Kokshetau State University named after

Sh. Ualikhanov. «Philological» series], No. 3-4. – Kokshetau, 2011., pp. 81-86.

4 Dmitryuk S.V. Obraz vremeni v soznanii nositelei russkoi, kazakhskoi i angliiskoi kul'tur: dis. ... kand. filol. nauk. [The image of time in the consciousness of bearers of Russian, Kazakh and English cultures. Dissertation by the Candidate of Philology]. – Moskva., 2001. – 193 P.

Литература:

- 1 Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
- 2 Ершова Т.А. Русско-немецкие ассоциативные портреты (опыт интерпретации): дис... канд. филол. наук. – М., 1998. – 149 с.
- 3 Дмитриук Н.В. Свободный ассоциативный эксперимент как способ доступа к исследованию языкового сознания // Вестник Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова. Серия «Филологическая». – № 3-4. – Кокшетау, 2011. – С. 81-86.
- 4 Дмитриук С.В. Образ времени в сознании носителей русской, казахской и английской культур: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 193 с.

Information about author:

1. Fauziya Sametova - Candidate of Philology, Professor, Kaynar University; address: Almaty city, Kazakhstan, e-mail:sametova73@mail.ru

THE LANGUAGE SYSTEM HOMEOSTASIS

O. Kasymova, Doctor of Philology, Professor, Lecturer
Bashkir State University, Russia

Language system, represented in the article, is characterized by the homeostasis. All units in the language system are presented in great numbers and are related to each other in different ways. Homeostasis makes the language system stable.

Keywords: system, language, homeostasis

Conference participant

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i6.848>

As is known, superlarge systems have material and structural redundancy that provides their stability. The language system is also characterized by such redundancy. First of all, the language includes a great number of units – the infinite number of sounds, about 100 thousand words (according to the dictionaries of the Modern Russian Literary Language), the infinite number of word combinations and sentences. The relations among these units are also different, they are thoroughly studied and expressed in scientific works: “the true universal character of the language structure is expressed on the abstract level as the universal character of the system of inner relations, and the close relations of the language and the logic are also found. The most general structural principle of the language is the principle of hierarchy...” [Степанов 1998, p. 64].

The phonetic units are distributed into groups depending on the place and way of formation, the acoustic characteristics of the sounds, their functional traits (see, for example, [Панов 1979]). They form a system in the traditional sense of the word: we can find the clear division of units according to some principle and the hierarchic relations among the units. Such are the groups of vowels and consonants, the classification of vowels according to their row, level and labiality, and the classification of the consonants according to the place and way of formation, participation of the voice and noise in the formation and so on.

Words as lexical units form numerous groups depending on their origin (originally Russian and borrowings), use (active and passive stock, neutral and stylistically fixed ones), according to their meanings: synonyms, antonyms, homonyms, paronyms and others (see, for example, [Шмелев 1977]). Words are represented as word-forming classes

and as grammatical groups in the works in morphology (see, for example, [Виноградов 1972]). The sentences are classified according to their volume, aim of locution, structure and so on. The language itself is represented in the works of the linguists in different forms of existence: it is the language and the speech, dialectic, professional, jargon forms and the literary norm of the language. The interlevel language relations are expressed in the theory of functional grammar: the units of different levels that have semantic and functional common features are joined in the language field. So the complexity of the language system is fixed and put down, the expression of the complex character of the language relations, in essence, was the aim of all linguistic studies.

Together with this, not always the cases of relations among language units are represented correctly from the point of view of the system theory. For example, the language represents widely the phenomena of multiple meanings, synonyms and antonyms, but linguists treat them in different ways. If multiple meanings, synonyms and other language phenomena are considered positive, natural in the language, then homonymy is considered the «plague» of the language, «the undesirable case» and even «the phenomenon beyond the system» [Шмелев 1977, p. 89 – 90, Харитончик 1992, p. 72]. The homonyms themselves are not also considered a system phenomenon. (see the review of works in [Лыков, Орлова 1997, p. 178]). But it is from the point of view of stability of a large system that any relation among the units is considered a positive thing, this is the thing that leads to the homeostasis of the system. That is why homonymy can by no means be considered beyond the system and an undesirable phenomenon, because

in linguists' opinion, distinguishing homonymy in the speech practice of the natives causes no difficulties: «the communicants have no troubles because of homonyms, because the context determines the meaning of the word in homonymy» [Шмелев 1977, p. 89]: «подковка лежит в пыли» и «подковка лошадей»; «тилка сломалась» и «тилка дров». In the case of syntactic homonymy a mass introduction of «extralinguistic moments into speech communication» destroys the possible syntactic vagueness like «предлагаем услуги по ремонту автомашин, принадлежащих гражданам *всех марок*»; «Нам нужно еще заплатить за это» or «Со льда она возвращается *хромая*» [Лаптева 1988, p. 147 - 148]. The completing abilities of the text milieu enable us to understand correctly both the meaning of the word and the meaning of the construction.

Thus, homonymy on the whole does not interfere into communication, and the difficulties of homonyms differentiating arise only with those for whom the given language is not native, or with the persons with the low level of language competence. С. Д. Кацнельсон pointed to the redundancy of morphological categories of synthetic languages as «a reason for reliable and stable work in various conditions» [Кацнельсон 1972, p. 76 - 77].

A high degree of doubling, characterizing the natural languages, refers to the phenomena contributing to the homeostasis of the language system. The developed languages are characterized by the dialectal and literary forms of the language, while the dialectal forms (talks and parlances) are present in one language in multitude. So, in Russian one can point out three parlances, inside which there are several dozens of talks. To denote the same reality the dialectal

and literary forms of the language use a large list of words, for example: the literary *дичок* (a wild apple-tree) and the dialectal *дикарка*, *дикарька*, *дичка*, *дичок*, *дичь*.

The developed stylistic system also contributes to complementary relations among language units, enabling them to express the same meaning through the means associated with certain situations of communication. Double means of the expression of this or that meaning is considered a positive phenomenon in the language, because it testifies to the degree of national thinking development, capable not only to notice the proximity of the realia, but also to differentiate them with precision: *напрасно*, *тщетно* (*усилит.*, *преим. с глаг.* стараться, пытаться, стремиться и т. д.), *безуспешно*, *безрезультатно*, *бесполезно*, *бесплодно*, *бессмысленно*, *зря* (*разг.*), *понапрасну* (*разг.*), *даром* (*разг.*), *понусть* (*разг.*), *впустую* (*разг.*), *по-пустому* (*прост.*), *задаром* (*прост.*). It is impossible to keep all the various ways of naming all realities in the mind of an individual speaker, the capacity of individual memory cannot assimilate such a number of words. That is why it should be supposed that such doubling is reasonable exactly in the sense of redundancy expression, contributing to the stability of the language system.

From the point of view of providing increased stability one can explain the presence of absolute synonyms in language. Whatever small their number may be, absolute synonyms are an occasional case, contradicting the law of economizing language means and not having enough reason to exist: *бегемот* – *гиппопотам*, *кинуть* – *бросить*, *лингвистика* – *языкознание*. The introduction into linguistic use of the notion of homeostasis of the language system contributes to the understanding of the reason for the absolute synonyms existence.

So, basing on the main postulates of the system theory we can “legalize” and explain such language phenomena that have not yet been explained satisfactorily – the presence of a large number of parallel forms, including complete doubles, the presence of homonymy, redundant grammatical forms. The natural language is a flexible and surviving system that has proved

its stability for thousands of years. It is obvious that in the natural language there are no occasional, extrasystem and redundant “details”. In artificial languages there is no, vice versa, material and structural redundancy, the systems of artificial languages do not have homeostasis. “The planned” language is organized more rationally: it includes the minimal number of synonymic rows, there are no dialectal forms, the stylistic system is not developed, homonyms are excluded. B. A. Звегинцев noted that «the notion of redundancy is not now used only in the technical sphere, and now, frankly speaking, is one of the methodological criteria through which the natural and the logical languages are distinguished» [Звегинцев 1968, p. 28].

References:

1. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (grammatical doctrine of the word)]. Second ed. – Moskva., Vysshaya shkola [Higher school]. – 1972.
2. Zvegintsev V.A. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and applied linguistics] – Moskva., Prosveshchenie [Enlightenment]., 1968.
3. Katsnel'son S.D. Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie [Typology of language and verbal thinking] – Leningrad., Nauka [Science], Leningr. otd-e., 1972.
4. Lapteva O.A. Ekstralingvistika i smysl (sintaksicheskie dvusmyslennosti). Yazyk: sistema i funktsionirovanie [Extra-linguistics and the meaning (syntactic ambiguity). Language: the system and functioning]., Executive editor. Yu.N. Karaulov. – Moskva., Nauka [Science]., 1988., pp. 145-151.
5. Lykov A.G., Orlova E.N. Virtual'noe i aktual'noe v russkoi omonimii [Virtual and actual in the Russian homonymy]., Potentsial russkogo yazyka: Problemy i resheniya [Potential of the Russian language: Problems and solutions]., Kubanskii gos. un-t. [Kuban State University Press] Executive editor T.Kh. Kade. – Krasnodar., Publisher KubGU. – 1997., pp. 176-200.
6. Panov V.M. Sovremennyy russkii yazyk. Fonetika. [Modern Russian language. Phonetics]. – Moskva., Vysshaya shkola [Higher school]., 1979.

7. Stepanov Yu.S. Yazyk i metod. K sovremennoi filosofii yazyka [The language and the method. On the contemporary philosophy of language] – Moskva., Yazyki russkoi kul'tury [Languages of the Russian culture]., 1998.

8. Kharitonchik Z.A. Leksikologiya angliiskogo yazyka. [English language lexicology] – Minsk., Vysshaya shkola [Higher School]., 1992.

9. Shmelev D.N. Sovremennyy russkii yazyk. Leksika. [Modern Russian language. Vocabulary] – Moskva., Prosveshchenie [Enlightenment]., 1977.

Литература:

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд-е второе. – М.: Высшая школа. – 1972.
2. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. – М.: Просвещение. – 1968.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е. – 1972.
4. Лаптева О.А. Экстралингвистика и смысл (синтаксические двусмысленности) // Язык: система и функционирование. Отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука. – 1988. – С.145-151.
5. Лыков А.Г., Орлова Е.Н. Виртуальное и актуальное в русской омонимии // Потенциал русского языка: Проблемы и решения / Кубанский гос. ун-т. Отв. ред. Т.Х. Каде. – Краснодар: Изд-во КубГУ. – 1997. – С. 176-200.
6. Панов В.М. Современный русский язык. Фонетика. – М.: Высшая школа. – 1979.
7. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры. – 1998.
8. Харитончик З.А. Лексикология английского языка. – Минск: Высшая школа. – 1992.
9. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение. – 1977.

Information about author:

1. Olga Kasymova - Doctor of Philology, Professor, Lecturer, Bashkir State University; address: Russia, Ufa city; e-mail: olgakasymova@yandex.ru

YOUTH SLANG IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

M. Balasanian, Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of the "Russian philology"
Samtskhe-Javakheti State University, Georgia

The lexical system of the language differs from its other openness, since the vocabulary composition of the language reflects changes constantly occurring in public, material, cultural, and other sides of the society. The highest activity and fancifulness of sounding. The whole their specificity is in the lexicon. Unlike the majority of professional and social jargon youth slang has clear features: it is characterized by the typical playing with the word, conscious changing of its form and sense in order to make the language more expressive, emotionally painted.

Keywords: lexical system, youth slang, affix, non-affix, lexical-semantic ways of the word-building.

Conference participant, National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Баласанян М.А., канд. филол. наук, ассоциированный
проф., руководитель направления «Русская филология»
Самцхе-Джавахетский государственный университет,
Грузия

Лексическая система языка отличается от других его уровней открытостью, с тех пор как состав лексикона языка отражает изменения, которые постоянно происходят в общественной, материальной, культурной и другой стороне общества. Наибольшая активность и причудливость звучания. Их специфика целиком заключается в лексиконе. В отличие от большинства профессионального и социального жаргона в молодежном сленге ярко распознается черт: для него присуща типичная игра со словом, сознательное изменение его формы и смысла для принятия более выразительной, эмоциональной окраски языка.

Ключевые слова: лексическая система; молодежный сленг; аффикс, отсутствие аффикса, лексико-семантические способы в словообразования.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i6.849>

Лексическая система языка отличается от других его уровней своей открытостью, незамкнутостью, ибо словарный состав языка отражает те изменения, которые постоянно происходят в общественной, материальной и других сторонах жизни общества. Наибольшей подвижностью и неустойчивостью обладают жаргоны. Они меняются сравнительно быстро и являются приметой определённого времени, поколения. Причём, в разных местах жаргон людей одной и той же категории может быть разным.

От общенародного языка жаргон отличается специфической лексикой и фразеологией и особым использованием словообразовательных средств. Часть жаргонной лексики – принадлежность не одной, а многих социальных групп. Жаргоны не представляют собой целостной системы. Грамматика в них та же, что и в общенациональном языке. Вся их специфика заключена в лексике: многие слова в жаргонах имеют специальный смысл, есть и такие, которые по форме отличаются от общеупотребительных. В целом, для жаргонной речи характерна высокая степень метафоричности выражений. Жаргонизмы чаще отражают юмористическое или фамильярное отношение к действительности.

Соотношение лексики разговорно-происхождения, а также характер её переосмысления в жаргон – от шуточно-ироничного до грубо-вульгарного

– зависят от ценностной ориентации и характера социальной группы: носит она открытый или замкнутый характер, органически входит в общество или противопоставляет себя ему. В открытых группах (молодёжь) жаргон – это коллективная игра (Есперсен). В замкнутых группах жаргон – также сигнал, различающий «своего и чужого», а иногда – средство конспирации.

Речь людей, составляющих определённые обособленные социальные или профессиональные группы, достаточно специфична. В дореволюционной России существовали тайные корпоративные жаргоны. Каждое такое жарго было понятно сравнительно узкому кругу людей, объединённых общим делом или ведущих одинаковый образ жизни, и было непонятно окружающим. В отличие от прошлого в структуре современного языка почти нет таких жаргонов, которые создавались бы со специальной целью зашифровать способ общения, сделать его непонятным для непосвящённых, за исключением сленга наркоманов и наркоторговцев и жаргона различных преступных элементов. Более характерны сейчас такие групповые, социально-ограниченные жаргоны, которые отражают специфические объединения людей по интересам, например, особенности речи болельщиков, автолюбителей, коллекционеров и т.д.

Во многих языках существовали и существуют сейчас школьные и студенческие жаргоны, а также жаргоны

разных социальных слоёв молодёжи. Их называют общим термином «молодёжный жаргон» или «молодёжный сленг». Есть такие жаргоны и в современном русском языке. Они, так же как и другие социально и профессионально ограниченные разновидности языка, специфичны, главным образом, в области лексики. Однако по сравнению с большинством профессиональных и социальных жаргонов молодёжный жаргон имеет яркую и отличительную черту: для него характерна игра со словом и в слово, сознательное переименование его формы и смысла с целью создания выразительных, эмоционально окрашенных средств.

В современном русском молодёжном сленге представлены практически все способы образования. Однако его специфической особенностью является тот факт, что в большинстве случаев первичен лексико-семантический способ словообразования, а морфологический как бы накладывается на жаргонизм, образованный от общеупотребительного слова лексико-семантическим способом.

Механизм образования жаргонизма лексико-семантическим способом аналогичен с механизмом создания любого тропа: это, так называемый, механизм «тождеств и различий». Тождества позволяют сближать два далёких друг от друга понятия. Они являются основой переносного наименования предметов и явлений действительности. Разли-

ция сближаемых предметов и явлений создают контрастность, необычность употребления слова, то есть то, что характеризует языковую экспрессию. Таким образом, все жаргонизмы экспрессивны. Брусок – культурист, пенсия – стипендия, стричь – 1. Понимать, разбираться в чем-либо, 2. Получать доход, нержавеющей – золотая медаль.

Уже после возникновения лексико-семантическим способом нового жаргонного слова «вступает в игру» морфологический способ. Как в первом, так и во втором случае возможности для словотворчества безграничны.

Базар – базарить – базлатъ (в значении «беседовать», «беседа», «неприужденный разговор»)

Динамо – динамить – динамист (в значении «человек, который постоянно не выполняет свои обещания», «не содержит обещание»)

Руль – рулить (в значении «руководить», «нравиться», «складываться благополучно»); рулевой – рулево-рульный – рульно (в значении «отличный», «отлично», «превосходный»); рулез – рулѣж (междом. «о чем-то отличном, превосходном, вызывающем восторг, одобрение»).

Надо отметить, что ещё одной характерной чертой молодёжных жаргонизмов является то, что большая часть их многозначна. Например, жаргонизмы колбасить, колбаситься, колбасный, колбасня, образованные от общеупотребительного «колбаса» («мясной продукт»), имеют по два и более значений:

Ритмическая, возбуждающая музыка;

Вечеринка с музыкой, танцами, спиртными;

Любое интересное мероприятие;

Хлопоты, суэта, малоэффективная работа;

Сложная экстремальная ситуация; (шк.) неудовлетворительная оценка, двойка.

Широко распространен в современном молодёжном сленге безафиксный способ словообразования, что является результатом тенденции к упрощению языка: вруб (врубить) – понять, двига (двигать) – наркоман, вводящий наркотики внутривенно, конс – консервы и т.д. В некоторых случаях жаргонизмы, образованные

безафиксным способом, сами становятся производящей основой для целого ряда производных слов: дир – дирик, дирил (директор); диска – дискан, дискарь, дискас, дискач (дискотека).

Лексика молодёжного жаргона пополняется за счёт заимствований из других языков (напр., «чувак» – «парень» из цыганского языка). Для современного состояния молодёжного сленга характерны многочисленные англицизмы: айз – глаз; айзы – очки, бас – автобус, ган – пистолет, денсы – танцы, камбек – возвращение, пипл – 1. народ, люди, 2. член какой-л. группировки, блек – 1. негр, 2. кавказец и т.д. Часто заимствование из английского языка подвергается семантическому переосмыслению. Так, например, женатого мужчину в молодёжном сленге шутливо и презрительно называют сэконд хэнд (second hand). Значительная часть англицизмов, пришедшая в современный русский молодёжный сленг, подвергается дальнейшему переоформлению и активно вовлекается в процесс словообразования:

Аск – аскасть (попрошайничать), аскер (попрошайка)

Герл – герлица, герлуха (девушка, девочка); герловый (женский)

Дринк – дринч – дринчать (алкогольные напитки, пить)

Ещё одной отличительной особенностью современного молодёжного сленга является возникновение и функционирование в нем большого количества идиоматических выражений, для которых базовым является уже существующий с сленгом жаргонизм. Надо отметить, что некоторое количество уже существующих исконно русских фразеологизмов возникло в жаргонной речи и стало достоянием общенародного языка. Проникновение жаргонных фразеологизмов в общенародный язык обусловлено тем, что фразеологические единицы характеризуются большей образностью и экспрессивностью. Книжные фразеологизмы составляют сравнительно немногочисленную группу фразеологических единиц. Гораздо более обширна группа фразеологизмов, которые имеют сниженную – разговорную или разговорно-просторечную – стилистическую окраску. Поэтому не исключен тот факт, что определённая часть фразеологизмов, функционирующих в современном русском молодёж-

ном сленге, со временем войдёт в общенародный язык.

Жаргонизма базар имеет значения: 1. беседа, разговор; 2. речь, слова и выражения, употребляемые в речи; 3. разбирательство, выяснение отношений. Он является стержневым в следующих жаргонных фразеологизмах: свернуть базар – поговорить о чем-л.; фильтровать базар – быть осторожным в выборе выражений; базара нет – нет проблем, нет вопросов, всё понятно; съехать с базара – прекращать или менять разговор на какую-л. тему; гонять свои базары – говорить о чем-л. своём, непонятном для окружающих; клеить базары – выяснять отношения, устраивать разбирательство.

Основой жаргонного фразеологизма может быть и нейтральное общеупотребительное слово, сохраняющее своё первоначальное значение: грудь – чесать грудь табуреткой – напряженно искать решение проблемы.

Источником жаргонного фразеологизма может служить и иноязычное слово, заимствованное ранее из языка – источника. Например, англицизм креза/крейза используется в современном русском сленге в значениях: 1. Сумасшествие, помешательство; 2. Сумасшедший человек; 3. Ненормальная, странная ситуация, событие; 4. Психиатрическая лечебница; 5. (шк.) Школа. Он входит в состав фразеологизмов креза/крейза покатила – кто-л. сходит с ума, крузу/крейзу ловить – получать огромное удовольствие от чего-л.; увлекаться чем-либо до фанатизма.

В отличие от жаргонной лексики в целом, имеющей узкую сферу употребления, жаргонизмы их молодёжного сленга активно проникают в сферу общенародной лексики и используются как эффективное средство эмоционального и экспрессивного речевого воздействия. Они широко употребляются в художественной литературе, а в произведениях современных сатириков и юмористов служат для создания ярких и образных средств языка.

Молодёжный сленг – одна из самых ярких и подвижных систем в современном русском языке: он постоянно пополняется не только за счёт семантических переосмыслений исконно русских слов и иноязычных заимствований, но и за счёт смелого и активного процесса словообразования.

References:

1. Borisova E.G. Sovremennyi molodezhnyi zhargon. Rusvkaya rech' [Modern youth slang. Russian speech]., 1990

2. Nikitina T.G. Tolkovi slovar' molodezhnogo slenga, [Explanatory dictionary of youth slang]. - Moskva., 2005

3. F.De Sossyur. Kurs obshchei lingvistiki [General linguistics course] - Moskva., 1963

Литература:

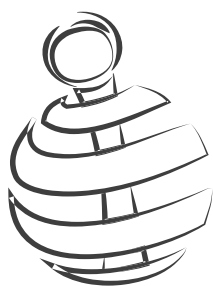
1. Борисова Е.Г. Современный молодежный жаргон. Русская речь, 1990

2. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодёжного сленга, М., 2005

3. Ф.Де Соссюр. Курс общей лингвистики, М., 1963

Information about author:

1. Mariana Balasanian - Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the «Russian philology», Samtskhe-Javakheti State University; address: Georgia, Akhaltsikhe city; e-mail: amadan1@rambler.ru

INTERNATIONAL ACADEMY

OF INTELLECT AND QUALITATIVE PROGRESS

CERTIFICATION «ICSQ-775»

- ◆ Standart certification
- ◆ Operative certification

PATENTING IOSCEAAD-775

- ◆ Standart patenting
- ◆ Operative patenting

ACCREDITATION

- ◆ Authoritative accreditation
- ◆ Procedural accreditation
- ◆ Status accreditation
- ◆ Membership accreditation
- ◆ Expert accreditation

<http://academy.iuci.eu>

THE CONCEPT OF ETHNOS IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW

Zh.B. Abildinova, Candidate of Philology, Chair of the Foreign Languages Department
Pavlodar state pedagogical institute, Kazakhstan

One of the stereotype varieties, that is, ethnic stereotype is, according to the author's opinion, the component of the linguistic worldview. As exemplified by the hetero-stereotype image of German consideration in the Russian language the idea of the concept of ethnos being the sustainable fragment of the worldview is confirmed.

Keywords: stereotype, ethnic stereotype, hetero-stereotype, worldview, ethnic self-consciousness, anecdote.

Conference participant

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i6.850>

Results of the perception of the world by representatives of different cultures and nations find their direct expression in the ethnic stereotypes. Ethnic stereotypes are an integral part of public conscience and self-consciousness of the ethnos representatives, appear when contact with other ethnos representatives and perform a protective function in relation to the intellectual culture uniqueness [1, p. 36].

The ethnic stereotypes' origin took deep roots in the nation's historic memory and their sustainability is provided by generation-by-generation transferring this memory in the form of folklore, epos, and ancient annalistic and literature samples. As it was said by Z.V. Sickevitch, "... ethnostereotypes, directly or indirectly, transferred in the course of ethnocultural transmission foremost clearly are found out in the language, and, specifically, in folklore" [2, c. 29]. It should be recognized as important that the best rich material for studying the process of the nation's ethnic self consciousness' formation and their perception of other nation's self-consciousness and, therefore, ethnic stereotypes of behavior and other ethnos' perception is only possible, as it has been justified, via studying grass roots language and world-building. "Language is a bank of the historical experience accumulated by nations being truly more significant than any other sphere of culture" [3, p. 43]. As being recognized as a mirror of the world around the language "reflects reality and creates its own view of the world, specific and unique for each language, and, subsequently, for every nation, ethnic group, community speaking with each other in this language. Language is and universal mean to reflect everything: geographic position, climate, historical

development, life conditions [4, p. 38]. Thus, it might be concluded that a language as well as other things reflects any human being perception of a human being of different nationality.

As the components of the linguistic view of the world ethnic stereotypes were analyzed based on the material of contemporary Polish (E. Bartminski, I. Pnnasuk, K. Pissarkova using material of the Russian toponimic dictionary «belonging to other ethnos" (E.L. Berezovitch, A.. Ivanova, V.N. Kalutzkov) on material of the Russian dialects (collective "ethnic" nicknames, folk says etc. – D.K. Zelenin, Ju.B. Vorontzova, N.V. Solonik, N.V. Drannikova and others). In above listed studies the ethnic stereotypes are considered as cognitive mapping of the ethnocultural mental images: **Ethnic stereotypes** – sustainable mental views concerning own/foreign ethnos – is a fragment of the linguistic view of the world being understood as a family of judgments regarding the features and modes of the reality items existence which occurs to find out its expression in the linguistic units [5, p. 10].

Central part of the stereotypes' content is occupied by **descriptive features** (cognitive), though sometimes marginal and insufficient, but recognized as typical ones from the subjective position; linguistic (descriptive) content is accompanied with the intellectual and emotional appraisal. If following Mr. E. Bartminski it is quite possible to highlight some fields ("domains") repeatedly met in the characteristics of nations, to speak exactly they are:

language and specific culture peculiar to certain nationalities;

features relevant to the personal appearance, for example, features associated with: the German's stereotype

are blond hair, blue eyes; Russian – beard, ear-flapped cap, quilted jacket (fufaika), valenki; Jewish – side-locks and yarmulkes; Pole – moustaches and so on;

food habits: German – bear and sausage; Pole and Russian – vodka, potato and vareniki; Italian – wine and macaroni, French – wine, escargots and edible frogs;

philosophy and everyday household: German – eagerness to be reach, hard working and diligent and seeing order in everything around, Russian – poverty, simplicity, good-fellowship; Jewish - religiosity, gumption, Pole – sociability, courage;

psychosocial characteristics: German – aggressiveness, discipline, arrogance; Russian – sociability, mysteriousness (mystery of Russian soul); Ukrainian – vengefulness and cruelty; Jewish – entrepreneur's sense [6, p. 15].

Ethnic stereotypes from the "content" point of view may be considered as some fragment of the world's concept existing in conscience. In designations other than meaning given to specific personality it is fixed some stereotype of culture, invariant image of this very fragment of the world peculiar this or other one ethnos.

O. Belova thinks that "ethnocultural stereotype is not only some image to be appraised in regard to "foreign" fixed in any language (nominative models or of proverb level) but they are to be considered as significant concept constituting indispensable element of the world's vision" [7, p. 10]. "To understand the ethnic stereotype it is greatly important not only to be competent in linguistics (understand the «ethnic» meaning of a word) but to have skills in terms of pragmatic (communication) competence (i.e. knowledge of the

world and outside reality)" [at the same place, p. 8]. As approved by results of several contemporary ethnolinguistic and sociolinguistic investigations this family of stereotypes plays structure building and ethnically differentiating roles being of great importance for self consciousness and self knowledge of the ethnos (views concerning "own" and "foreign" nation, "own" and "foreign" religion, use of rituals and the values system). According to the opinion expressed by M. Ju. Gorbunov, the ethnical stereotypes are exactly those constituting the basic content of the ethnic identity of both the cognitive and motivation core of the ethnic self consciousness because they serve as a base for the world perception and understanding as one ethnos [8, p. 12].

Besides, E.L. Berezovitch points it out that the ethnic stereotypes are seemed to be the elements of the naïve model of our world: "Ethnic stereotype is a stable set of certain naïve images existing in relation to any nation and nationality which expresses the peculiarities of public "xenopsychology" [9, p. 23]. "Great degree of tendency to axiology, their belonging to the ancient specific world outlook at culture provide their notable place both in the system of natural language and folklore texts, rituals, convictions etc.

As an example proving the idea of ethnostereotypes being some reflection of the nation's view of the world it is possible to consider the most used in Russian linguistic view of the world image of German performing a role of some stable stereotype of resumptive nature with which the image of "Russian" was customarily compared (compare, for example, *Prussian good but Russian "gooder"*). Antinomies impenetrating through all proverbs and sayings of such kind as "own – foreign", "local – peregrine", «Russian – non-Russian» serve as bright testimony of that. Even the ethnicon "*nemetz (German)*" origin itself historically has a meaning "a person with unclear, not understandable speech": "foreigner", (нѣмѣчѣнъ), "German, any foreigner" [10, p. 62]. Let us take as an example the following proverb reflecting understanding of the ethnicon «*nemetz (German)*": *Rodom ne nemtchin, a ukazyvat gorazd (Though not a German but is so eager to preach)* [11, p. 215].

Ethnicon *nemetz* in Russian language has the word-formative variants characterized as colloquialisms: *nemtchin, nemtchura*. Vision of German people owing the nature of stereotypes was forming gradually. At that some of them turned out to be stable enough. So, *German* is invested with such characteristics as – *smart and sly*. Cunning is understood as *abstruseness, adroitness* – a feature not peculiar to an ordinary, god-fearing person. Let us see following examples: *What a sly guy is this German: he invented a monkey! German will never fall from a bench without some trick (trick in the meaning of adroitness, cunning, deception, pretence)* [In the same place]. Of great interest is the fact that comparison of everything Russian, patriarchal, since the Peter the Great times is invariably associated with foreign, German. Comparison of two worlds: Russian of merchants and German of craftsmen often are present in Russian proverbs. *Handicraft and learnedness* of German craftsman (*German always has a tool for everything*) is preachingly contraposed to *Russian* manner of conducting commercial and economy businesses. And this comparison is not for the benefit of latter one.

It is quite possible to say that vision of such German people features as *prudence* transforming into *greediness, tidiness* growing to *pedantry*, witness of what is, for example, the set phrase *a real German*, always took place in descriptions and appraisal of German people and was traditionally opposed to the original features of the Russian character. Image of German is presented in many ethnic anecdotes:

Germany. Lesson of German language. Teacher asks pupils: "I have had my supper. What time is it?" And one pupil answers: "It must be a time between seven and eight o'clock". ("Anecdotes from all over the world", p.129)

In so short dialogue of this anecdote a teacher does not mean an exact time. He spoke about grammatical tense but Germans from the early childhood get used to punctuality and think about precise place of action or event. Brief reply of a German pupil: *"It must be a time between seven and eight o'clock"* facilitate the explication of the German's ethnostereotype.

So, *Germans* (more often they

are Russified Germans), as we could assure ourselves on the material of proverbs and sayings and anecdotes as well, represent historically formed integral part of domestic and cultural life of Russians. That, correspondingly resulted in visions of them becoming the stable fragment of the Russian view of the world.

Therefore, summarizing the results of our study we can say that principal peculiarity of ethnic stereotypes is their reflection in the linguistic view of the world.

References:

1. A.K. Baiburin. Ethnic aspects of the stereotype forms of behavior and traditional culture. Soviet ethnography. – Moskva., Nauka [Science]., 1985., No. 2., pp. 36–45.
2. Z.V. Sikevitch. National self-consciousness of Russians. – Moskva., 1996. – 286 P.
3. B.F. Porshnev. Opposition as a component of the ethnic self-consciousness. – Moskva., 1973. – 267 P. <http://dx.doi.org/10.1515/9783110807707.139>
4. S.G. Ter-Minassova. Language and intercultural communication. – Moskva., Slovo [Word], 2000. – 624 P.
5. V.N. Toporov. Image of neighbor in establishing of ethnic self-consciousness (Russian- Lithuanian perspective) The Slavs and their neighbors. Ethnic and psychological stereotype in Middle ages [Theses collection]. – Moskva., 1990., pp. 9-12
6. E. Bartminski. Basic stereotypes and their profiling (on the material of Polish language). Stereotypes in language, communication and culture: Collection of articles. Composer and responsible editor L.L. Feodorova. – Moskva., 2009. – 598 P.
7. O.V. Belova. Ethnic stereotypes according to data of language and folk culture of the Slavs: synopsis of thesis. ...doctor of philology – Moskva., 2006. – 28 P.
8. M.Ju. Gorbunova. Linguistic expression of the ethnic and gender prejudice in English and Russian languages: linguistic-pragmatic aspect: thesis. ... Candidate of philology – Krasnodar., 2008. – 174 P.
9. E.L. Berezovitch. Ethnic

stereotypes in different culture codes. Stereotypes in language, communication and culture: Collection of articles. Composer and responsible editor L.L. Feodorova. – Moskva., RSHU, 2009. – 598 P.

10. M. Fassmer. Etymology dictionary of Russian language in 4 vol., Vol. 2. - Moskva., Progress, 1986. – 672 P.

11. V.I. Dal. Russian folk proverbs: collection in 2 vol. - Vol. 1. – Moskva., 1984 – 383 P.

Information about author:

1. Zhanara Abildinova - Candidate of Philology, Reader of the Foreign Languages Chair, Pavlodar state pedagogical institute; address: Kazakhstan, Pavlodar city; e-mail: abildinova_zhana@mail.ru

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONGRESS

Multisectoral scientific-analytical forum for professional scientists and practitioners

Main goals of the IASHE scientific Congresses:

- Promotion of development of international scientific communications and cooperation of scientists of different countries;
- Promotion of scientific progress through the discussion comprehension and collateral overcoming of urgent problems of modern science by scientists of different countries;
- Active distribution of the advanced ideas in various fields of science.

FOR ADDITIONAL INFORMATION PLEASE CONTACT US:

www: <http://gisap.eu>

e-mail: congress@gisap.eu

MODAL WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Y. Zubenko, teacher
Kostanay State Pedagogical Institute, Kazakhstan

In this article the author attempts to trace some features of presentation of modal words in the Russian language. Fixation of the ability of particles to make our speech more intense has served to the speaking area as the basis for actualization of this problem. The specified ability allows us considering the modal particles to be the shades of meaning.

Keywords: Russian language, modal words, modality, lexical-grammatical structures, speaking area.

Conference participant

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i6.851>

The mood is one of a set of distinctive verb forms that are used to express modality. There are three moods in Russian, the indicative, the subjunctive and the imperative. Modality is concerned with the status of the proposition that describes the event. "Modality differs from tense and aspect in that it does not refer directly to any characteristic of the event, but simply to the status of the proposition." (Palmer, 2001:25)

Modality is a special morphological means, for expressing various meanings and shades of modality. Mood forms of verbs, intonation and lexical items such as modal words and modal particles express modality in the Russian language. The relationship of the person speaking to the reality is represented by lexical, morphological and syntactic means in the Russian language. Syntactic means of expression of modality are mainly various words and constructions (sentences and phrases).

e.g.: полагаю, поверь, как видим, по правде говоря, уверяю вас, известное дело, без всякого сомнения, сколько помню, мы все глубоко убеждены, давно пора признать;

I think, trust me, as we see, honestly, I convince them clearly, without doubt, as far as I remember, all of us are deeply convinced that it is time to acknowledge.

Different meanings of modality are characteristic for declarative sentences, interrogative sentences, imperative sentences and exclamations.

Птицы летят к югу. *The birds fly south.*

С этим я не согласен. *I don't agree with this.*

Вон отсюда! *Get out!*

Кто это? *Who is that?*

Садитесь. *Sit down.*

Разве можно ему поверить? *Can I believe it?*

The modal words are not parts of the

main clause, and they are not connected grammatically with other words in the sentence. They are syntactically used as:

a) phrase-sentence and mostly in dialogic speech;

e.g.: Вы хотите купить эту книгу? - Безусловно. (Rosental/Golub/Telenkova, 2006:281)

Do you want to buy this book? - Yes, I do.

b) parenthetical words with the modal meaning.

e.g.: Вам до меня, конечно, нет никакого дела. (Ebd.281) *You don't care about me of course.*

The Russian researchers Valgina and Rosental are of the opinion that the modal words represent a particular part of speech or word combination, and that their expression is evaluated by the speaker as whole or only parts of the utterance in terms of the degree of likelihood.

e.g.: а) Это, верно, кости гложет красногубый вурдалак (Valgina, 2006:282)

The red-lipped vurdalak gnaws maybe the bones.

b) Обстоятельства верно, вас разлучили? (Ebd.282)

They are no longer together by force of circumstances?

In both examples, *верно* is a modal word. It expresses the degree of probability of the utterance. The word *верно* in the first example refers to the entire set, in the second example only to the subject. Modal words are very close to adverbs and modal particles, so it is difficult to distinguish between them.

e.g.: а) Наши успехи действительно (modal particle) невелики. (Ebd.282)

Our successes aren't really big.

b) Я прислушался: действительно (modal word), это был голос. (Ebd.282)

I listened it was really the voice

According to the Russian researchers not only modal words but also other

parts of speech express different degree of possibility, as follows:

a) the words which express the attitude of the speaker to aspects of reality:

e.g.: к счастью, к удовольствию, к сожалению, к несчастью, к удивлению, к огорчению, к прискорбию, к досаде others (Rosental/Golub/Telenkova, 2006:282 f);

luckily / fortunately, enjoyable / pleasure, unfortunately / unfortunate unfortunately / unhappy / for evil, surprisingly / amazing / to astonishment, regrettably / sad, sadly / sad annoyingly / annoying

e.g.: Найденов, к изумлению Нагульнова, в одну секунду смахнул с плеч кожанку, присел к столу.

To Nagulnov's amazement, Naydenov has quickly taken off the leather jacket and sat down at the table.

b) the words that refer to statement, restriction or alienation.

e.g.: в частности, впрочем, including кстати in particular, by the way

Присмотритесь, выберите себе дело по вкусу, и я обещаю учесть ваши склонности.

Take a closer look, select the event to your liking, and I promise to consider your addiction.

Кстати, этих склонностей мы пока не знаем. *But we don't know these inclinations.*

c) the words that indicate the association of ideas and their order.

e.g.: во-первых, наконец, напротив, однако, итак, значит, следовательно, так сказать

first, last, on the contrary, but / however, but / so, therefore, consequently, so to speak

Дядя заменил мне собою отца, воспитывал меня на свой счет и, словом, сделал для меня то, что не всегда делает и родной отец.

The uncle has replaced my father and raised me as his own son; in a word, he has done everything for me that my own father hasn't.

Accordingly, the meaning of the modal words in the Russian language, can be divided into two groups:

e.g.: a) modal words which convey the logical assessment of the utterance. The speaker is in reality the message convinced: безусловно, верно, конечно, несомненно, действительно, разумеется others; *sure / safe, probably / likely course / of course, of course, really, certainly including*

e.g.: Дважды два безусловно, четыре. *Twice two is certainly four.*

This group also includes phraseological units such as:

e.g.: в самом деле, само собой разумеется others, *in reality, of course / understood the others by itself.*

b) Modal words expressing possibility and probability are:

e.g.: вероятно, возможно, видимо, по-видимому, кажется, наверное *including, probably, maybe, apparently including*

e.g.: Мне показалось, что он, вероятно, долго раздумывал у двери, перед тем как войти.

It seemed to me that he has probably long wondered at the door before you enter.

Some phrases can even be assigned to both groups, such as: может быть, должно быть, по всей вероятности etc. *it is possible, in all probability, in all likelihood.*

Modal words as a special lexical-grammatical part of speech are often found in conjunction with other types of words:

a) with nouns - правда, факт, право */ the truth, the fact that legal*

e.g.: Правда глаза колет. *Truth hurts the tongue.*

In this case, the word *правда* is translated as *really, really, truly.*

b) with adjectives and adverbs - очевидно, конечно, действительно, верно, obviously, *of course / course, really, probably / likely*

e.g.: Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно.

I saw a happy man whose dream was so obviously fulfilled.

Окна были закрыты жалюзи. Очевидно, в доме все еще спали.

The windows were closed with the blind. It is perhaps still asleep in the house.

c) with the impersonal predicative words - видно, including слышно

Хоть убей, следа не видно. *The life of me, I can't see a trace.*

Так видно, она замужем. *She is probably married.*

d) with different verb forms: кажется, разумеется, значит, пожалуй, including знать

it seems that, goes without saying, have significance / meaning etc.

e.g.: Как вам кажется письмо Чаадаева?

What do you think about Chaadaev's letter?

Я кажется, хозяйке мил. *It seems the mistress is in love with me.*

e) with pronoun: никак, само собой *in no way / not at all, (all) of itself*

e.g.: Воеводы не дремали, но никак не успевали. *The waywodes have left nothing out of sight, but have done nothing.*

Ты никак, Фишка плачешь? *Are you crying Fischka?*

Глаза закрылись сами собой. *The eyes have been closed by itself.*

- Когда же мы увидимся? *When will I meet you again?*

- Не раньше лета, должно быть. *Maybe in summer, certainly not earlier.*

- Зимой едва ли ... *- In winter, hardly ...*

Само собой, если случится что, то дайте знать - приеду.

But if something happens, let me know - I'm coming.

The correlation of the modal words with other parts of speech is only external. The transition to modal words is provided in fact by the change of whole lexical-grammatical structures. The modal words are only identical words in this case.

e.g.: Человек имеет право на образование, труд и отдых.

A person has the right to education, work and rest.

Да где же это мой зонтик? - Куда же он девался, право?

But where is my umbrella? - Where is it?

In the first example, the word *право* functions as a noun, in the second as a modal word, with the sense of *really, actually.*

Modal words are a diverse and ambiguous phenomenon like the Russian

“vvodnye slova”, which are considered as “potentially related words” (Hinrichs literature. In the research literature, the modal words can be under a different term 1983:2). Hinrichs said that the first mention of this term refers to the descriptive grammar of the Russian language (deskribere from the Latin “describe”).

It is difficult to link the *vvodnye slova* to a grammatical categorization. This interesting grammatical feature is directly linked to emotions of the speakers and their living language in context.

References:

1. Valgina, N. Rozental', D. (2006), *Sovremenniy russkii yazyk. 6-e izdanie* [Modern Russian language. 6th Edition]. - Moskva.
2. Shainskii, N. Tikhonov, A. (2002), *Sovremenniy russkii yazyk. Slovoobrazovanie. Morfologiya. Chast' 2* [Modern Russian language. Word formation. Morphology. Part 2]. - Moskva.
3. Bussmann, H. (2002), *Lexikon der Sprachwissenschaft. 3., aktualis. und erw. Auflage.* - Stuttgart.
4. Divers, J. (2004), *Agnosticism About Other Worlds: A New Antirealist Programme in Modality, Philosophy and Phenomenological Research* 69 (3): pp. 660-685. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1933-1592.2004.tb00522.x>
5. Hinrichs, U. (1983), *Die sogenannten "Vvodnye slova" (Schaltwörter, Modalwörter) im Russischen: eine sagenanalytische Untersuchung.* - Wiesbaden.
6. Kratzer, A. (2009), *The notional category of modality.* <http://dx.doi.org/10.1002/9780470758335.ch12>
7. Kratzer, A. (2010) 'On the notional category of modality'. *Collected Papers on Modals and Conditionals.* Oxford University Press., URL <http://semanticsarchive.net/Archive/Tc2NjA1M/notional-category-modality.pdf>.
8. Palmer, F.R. (2001), *Mood and modality.* 2nd ed. - Cambridge., Cambridge University Press. <http://dx.doi.org/10.1017/s0022226700011695>

Information about author:

1. Yana Zubenko - Teacher, Kostanay State Pedagogical Institute; address: Kazakhstan, Kostanay city; e-mail: janaz75@rambler.ru

POETIC TEXTS AS INDIVIDUAL
AUTHORS' REPRESENTATIONS OF
THE VALUE-RELATED COMPONENT
OF AFRO-AMERICAN CONCEPT OF
"MOTHERHOOD"

I. Vakorina, Assistant
Smolensk State University, Russia

The article focuses on the African-American value-related orientations, objectified by poems and forming the contents of the value-related component of the African-American concept of "Motherhood". This value-related component is predetermined by the social and individual significance of the same phenomenon. It also has historically stable nature.

Keywords: concept, value-related component, African-American poem, motherhood, identity, ethnic group.

Conference participant

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ КАК
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТНОГО
КОМПОНЕНТА АФРОАМЕРИКАНСКОГО
КОНЦЕПТА "MOTHERHOOD"
("МАТЕРИНСТВО")

Вакорина И.В., ассистент
Смоленский государственный университет, Россия

В статье описаны афроамериканские ценностные ориентации, объективируемые поэтическими текстами и формирующие содержание ценностного компонента афроамериканского концепта "Motherhood" ("материнство"). Ценностный компонент концепта обусловлен общественной и индивидуальной значимостью одноименного феномена и носит стабильный, неменяющийся в историческом плане характер.

Ключевые слова: концепт, ценностный компонент, афроамериканское стихотворение, материнство, идентичность, этнос.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i6.852>

Решение актуальной проблемы взаимодействия человека, языка и культуры связано, в том числе, и с исследованием лингвокультурных концептов. Основанием для выделения такого концепта, по мнению В.И. Карасика, является ценностный компонент, поскольку именно ценности и высшие ориентиры определяют поведение людей [2].

С.Н. Виноградов определяет ценность как "идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей" [1, с. 93].

Обобщение коллективного сознания/знания, которое маркировано этнокультурной спецификой и эксплицирует систему ценностей социума, может находить свое воплощение в художественной литературе, поэзии, другими словами, в индивидуально-авторских репрезентациях.

В настоящей работе представлены результаты когнитивной интерпретации афроамериканских стихотворений (children's rhymes, sisternom songs) о матери и материнстве [4,5,6], объективирующие ценностное отношение к этому феномену. Полученные данные формируют содержание ценностного компонента афроамериканского концепта "Motherhood" ("материнство"). Были выявлены следующие ценностные ориентации афроамериканцев.

1) *Материнство гарантирует сохранение этнической идентичности.*

Судьба темнокожей женщины неразрывно связана с судьбой афроамериканского народа. На родине предков, в Африке, женщина не только давала жизнь и вскармливала, она направляла, защищала и учила свое потомство, что делало ее почитаемой в обществе.

When my womb became the
birthplace of the Old World

When my breast provided
nourishment for all

Where I, too, was once known as a
worthy warrior,
as a scholar and a queen,
Yes, I stood tall

На американском континенте темнокожая женщина не только не заслуживала уважения и признания, зачастую к ней даже не относились как к человеку.

When a floating dungeon was our
only castle

When we were packed like cargo
riding on the waves

To a place that never understood our
royalty,

To a place where we would only be
enslaved

Женщины-негритянки наравне с мужчинами работали на белых колонизаторов, и так же, как они, подвергались физическим наказаниям. Кроме того, им приходилось еще мириться и с сексуальным насилием.

When you were beaten and then
forced

to bear their children

Несмотря на все издевательства, рабыням, тем не менее, удавалось сохранять способность испытывать чувства, в первую очередь, материнские: любовь, нежность, ласку, привязанность, что и стало своего рода ориентиром для афроамериканцев в самые тяжелые моменты их истории. Через материнство темнокожие женщины обретали силы, позволяющие физически выжить им самим и их потомству. Если у негритянки были дети, ради которых надо было жить, то все остальное уходило на второй план, так как основной заботой становилось их пропитание и воспитание. Темнокожие матери также старались передавать из поколения в поколение народные обычаи и традиции, что не только объединяло, но и могло гарантировать сохранение этноса. Созидательное материнство способствовало духовному единению темнокожего населения, развитию этнического самосознания и формированию этнической идентичности.

When your dedication built our
bridge to freedom

Away from all those dreary years of
death and strife

Your peaceful love unlocked a
nation's conscious

Your strength gave us a passageway
to life

В наши дни материнство продол-

жают играть ту же роль в укреплении афроамериканского социума несмотря на то, что изменились условия его существования.

Так, темнокожая мать учит осознать свою этническую принадлежность через принятие тех физических особенностей, которые свойственны их этносу. Например, курчавые волосы, которые расисты наряду с цветом кожи считали неотъемлемой чертой всех темнокожих, а значит, рассматривали как символ порочности и неполноценности [3].

Our hair is...

...super-naturally NAPPY
...super-abundantly NAPPY
...super-eminently NAPPY

Она призывает ребенка гордиться этим отличием, так как эта черта не делает их хуже или недостойнее, ведь история их этноса знает не один пример, когда темнокожие люди с такой же чертой добивались признания не

Harriet Tubman
Sojourner Truth
Marry McCleod
Rosa Parks
Ella Baker

только своей этнической группы, но и всей нации (среди названных имен есть имена писательниц, общественных деятелей, аболиционистов).

Our hair is...

... NAPPY

Мать, как предусмотрено природой, с помощью своего молока вскармливает младенца и, как принято в человеческом обществе, является духовным наставником, передающим знания, накопленные предками.

Кормление грудью во времена рабства было способом помочь детям выжить. В настоящее время женщины афроамериканского происхождения по-прежнему воспринимают грудное вскармливание как способ подарить жизнь не только в буквальном смысле

Breastfeed your child
Anywhere on God's green land
That you Can.

- через физическое насыщение, но и в фигуральном – через формирование

и укрепление связи между матерью и ребенком, благодаря которой в дальнейшем происходит его социализация.

Афроамериканки видят свой долг в том, чтобы научить дочерей всему тому, что когда-то усвоили от матерей. Такая преемственность поколений служит гарантом продолжения рода и, очевидно, также восходит ко временам рабства. Тогда было принято разлучать и распродавать семьи, для того, чтобы ослабить моральный дух рабов и сделать их более послушными. Однако у женщин-негритянок было больше шансов, чем у мужчин, остаться со своими детьми, хотя бы до того момента как они подрастут и начнут работать. За этот период темнокожие рабыни старались передать своим дочерям те знания и навыки, которые помогли бы выжить им и их будущим детям.

And our daughters we'll teach,
As we practice and preach...

Josephine Baker
Zora Neal Hurston
Ida B. Wells
Sonja Sanchez and
Angela Davis...

We women, will change the world
(сохранен шрифт оригинала)

2) *Материнство является приоритетной задачей в жизни женщины афроамериканского происхождения, так как оно помогает ей выстроить собственную идентичность, самореализоваться.*

In between those precious eyes, behind that fervent smile,
And just beyond her nature's glow
Realization! (подчеркнуто нами. – И.В.)

Современные афроамериканки так

... my future defined
And entrenched in my mind
And entrenched in my mind
And entrenched in my mind
But, damn, who am I?

Got milk?
Give Life

же активно участвуют в социальной жизни, как и их соотечественницы с

белым цветом кожи однако, им с детства закладывается понимание того, что их миссия - быть матерью.

Когда женщина становится матерью, ее жизнь всецело посвящена ребенку и организована вокруг него. Но при этом она осознает, что не перестает быть тем, кем была до рождения ребенка, только лишь по-другому представляет акценты.

I used to be a poet... /I used to be a lover... /I used to be a revolutionary...

Then, I became a mom

Unabashedly, solely, exclusively, singularly, and entirely a mom...

So, I'm still a revolutionary.../ And I'm still a lover... /And, I know I'm still a poet

Материнство помогает справляться со сложностями, невзгодами, стрессами и переживаниями, составляющими каждый день современной темнокожей женщины, помогает понять, что является главным в жизни.

And when I UNLEARN the lessons of my life

I'll quiet my heart, my mind,
my soul to hear...

To hear the happiness, harmony, inner peace inside

Voices of love, contentment – my child inside. (сохранен шрифт оригинала)

Благодаря материнству женщина афроамериканского происхождения открывает для себя новую гамму эмоций и ощущений (the reality of our duality), через которые познает себя и свое предназначение (my comprehension of who I am).

Однако в афроамериканском обществе ценность материнства, как приоритетной задачи в жизни женщины, нельзя назвать абсолютной, поскольку происходят случаи отказа

Just a vessel for proof
of God's undying truth
and faith undenied
as life forms inside...

иметь детей. Их воспринимают не иначе как убийство.

Andrea Yates just KILLED them babies. (сохранен шрифт оригинала)

Темнокожая женщина, решившаяся на такой поступок, вызывает сочувствие (poor Mrs. Yates). С одной стороны, она,

возможно, оказалась не готова к материнству, к обязательствам, ответственности и трудностям (she'd entered unprepared; May be... She was just too damn lazy for the sleepless, endless boundless thankless sometimes could care less job of motherhood). С другой стороны, вероятно, только женщина не в себе, может совершить нечто подобное (do you really think that she went crazy). Несмотря на то, что такую женщину нелегко понять (did she really think we'd understand?), афроамериканки задумываются о сложностях, с которыми могут столкнуться матери (how many of Us understood that mood that threatened and sometimes could drag us to the dark side of motherhood) и которые пугают их настолько, что они готовы отказаться от самого святого, что даровано Богом, ребенка (from the sanctuary of mother's womb down the dead end path of a porcelain tomb). Эти проблемы они в основном связывают с тем, что детям афроамериканского происхождения приходится расти, преодолевая ужасные предрассудки и предубеждения, которые либо их закаляют, либо губят.

3) *Материнство способствует социальной адаптации ребенка в обществе.* Современное общество нельзя назвать свободным от таких явлений как расизм и дискриминация. Люди с темным цветом кожи с момента появления на американском континенте по сей день испытывают на себе такое отношение, что во многом определяет образ и качество их жизни. Афроамериканцы до сих пор вынуждены бороться за психологическое здоровье, а порой и физическое выживание. Ключевую роль в формировании морально-нравственной модели поведения темнокожего ребенка, будь то девочка или мальчик, играет мать. Она закладывает базу для того, чтобы в будущем ее ребенок смог найти себя и свое место в обществе (create fate).

В связи с этим темнокожая мать не может не беспокоиться по поводу того, насколько правильными окажутся ее стратегии в воспитании детей.

And I ask God – am I doing this thing right? Have

I given
them direction? Do they know which way to go?

С момента возникновения афроамериканской общины и по сей день проблема восприятия людей с темным цве-

том кожи стоит очень остро. Созданный во времена рабства стереотип о том, что темнокожие люди неполноценны и относятся к низшей расе [3], не изжил себя полностью в наше время. Заслугой матерей-негритянок того периода можно назвать то, что им удавалось прививать своим детям чувство собственного

W'en I was a liddle boy,
Jes' thirteen inches high
I uster climb de table legs,
An' streal off cake an' pie.

достоинства, научить осознавать и ценить свою человечность. Материнское участие сыграло немаловажную роль в духовном объединении этноса для борьбы с белыми расистами. Современные афроамериканки также культивируют в подрастающем поколении непреходящие ценности свободы, правды и т.п. (Freedom like Rita Dove... Legends of truths untold).

Однако темнокожая мать понимает, что в мире несвободном от предубеждений, несправедливости и жестокости, ее ребенку, воспитанному

"but don't worry, sis
i just put him on a list
for 'special' ones
don't worry, mom, and don't go home fussin'
like i told you before, it's nothing!"

только на идеалах, будет трудно существовать. Не умея в каких-то случаях переступить через них, сталкиваясь в повседневной жизни с негативным отношением, ребенок может погибнуть либо от потери веры и разочарования, либо в борьбе за свои права.

Shake what your mama gave you (сохранен шрифт оригинала)

Or it will explode.

Поэтому темнокожий ребенок с ранних лет должен быть знаком с этой отрицательной стороной жизни и быть готов к ней. Для этого следует развивать его волю, стойкость, формировать сильный характер (independent will and strength iron-clad), другими словами, воспитывать своего рода бойца (to cultivate up the warriors of tomorrow).

Процесс воспитания, привития норм и понимания того, что есть хорошо и правильно, требует усилий и терпения со стороны матери.

... I'm losing control... My little girl...is hard-headed.

Особенно трудно справляться с этой задачей в той среде, где зачастую даже открыто темнокожему ребенку дают почувствовать, что от него не ждут ничего кроме аморальных и незаконных действий.

Altho' I was a liddle boy,
An' tho' I wusn't high,
My mammy took dat keen switch down,
An' whupped me till I cry.

И если каждый раз мать оставляет подобные проступки без внимания (so, mama went home), то в конечном итоге ребенок сбивается с пути, попадает в дурную компанию и оказывается потерян для социума (his future was murdered, his dreams in a noose).

Темнокожие матери, осознающие свою роль в становлении ребенка как личности и гражданина, управляют этим процессом. Они не только направляют словом, но и корректируют поведение ребенка действием, например, наказывая его за непослушание.

those who might just have too much fun
or keep a substitute on the run

"but know this, little Leroy did it".

Таким образом, индивидуально-авторская интерпретация афроамериканского концепта "Motherhood" ("материнство"), объективированного поэтическими текстами, свидетельствует как о социальной значимости феномена "материнство" для афроамериканского сообщества, так и о важности материнства в жизни любой афроамериканки. Другими словами, ценностный компонент исследуемого концепта обусловлен общественной и индивидуальной значимостью одноименного феномена. Этническая специфика ценностного компонента афроамериканского концепта "Motherhood" ("материнство") сопряжена с философией антропоцентризма. Кроме того, ценность материнства в афроамериканском социуме носит стабильный характер, не меняющийся в историческом плане.

References:

1. Vinogradov S.N. K lingvisticheskomu ponimaniyu tsennosti [On the linguistic understanding of the value]., Russkaya slovesnost' v kontekste mirovoi kul'tury: Materialy Mezhdunarod. nauch. konf. [Russian literature in the context of the world culture: Proceedings of the International scientific Conference]., ROPRYaL. - Nizhniy Novgorod., Izdatelstvo Nizhegorodskogo universiteta [Publishing House of the Nizhny Novgorod University]., 2007., pp. 93-97.

2. Karasik V.I. Yazykovoï krug: lichnost', kontsept, diskurs [Linguistic Circle: Personality, Concept, Discourse]. - Moskva., Gnozis, 2004.

3. Sapozhnikova Yu.L. Klassicheskie i novye istorii rabov: preemstvennost' zhanrov v tvorchestve afro-amerikanskikh pisatel'nic [Classic and new stories about slaves: the continuity of genres in the works of female African-American writers]., G. Dzheikobs,

Sh.E. Uil'yams i L. Kerri: monografiya [Monograph]. - Smolensk., Publisher SmolGU, 2011.

4. Brewer J. Mason. American Negro Folklore. - Chicago., Quadrangle Books, 1968. <http://dx.doi.org/10.2307/271384>

5. Carney-Nunes Charisse. Songs of a Sisternom. Motherhood Poems. - Washington., Brand Nu Words, 2004.

6. Tributetoblackwomen. com., Access mode: <http://www.tributetoblackwomen.com> (data obrashcheniya 21.10.2013)

Литераура:

1. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности// Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международ. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. С. 93-97.

2. Карасик В.И. Языковой круг:

личность, концепт, дискурс. - М.: Гнозис, 2004.

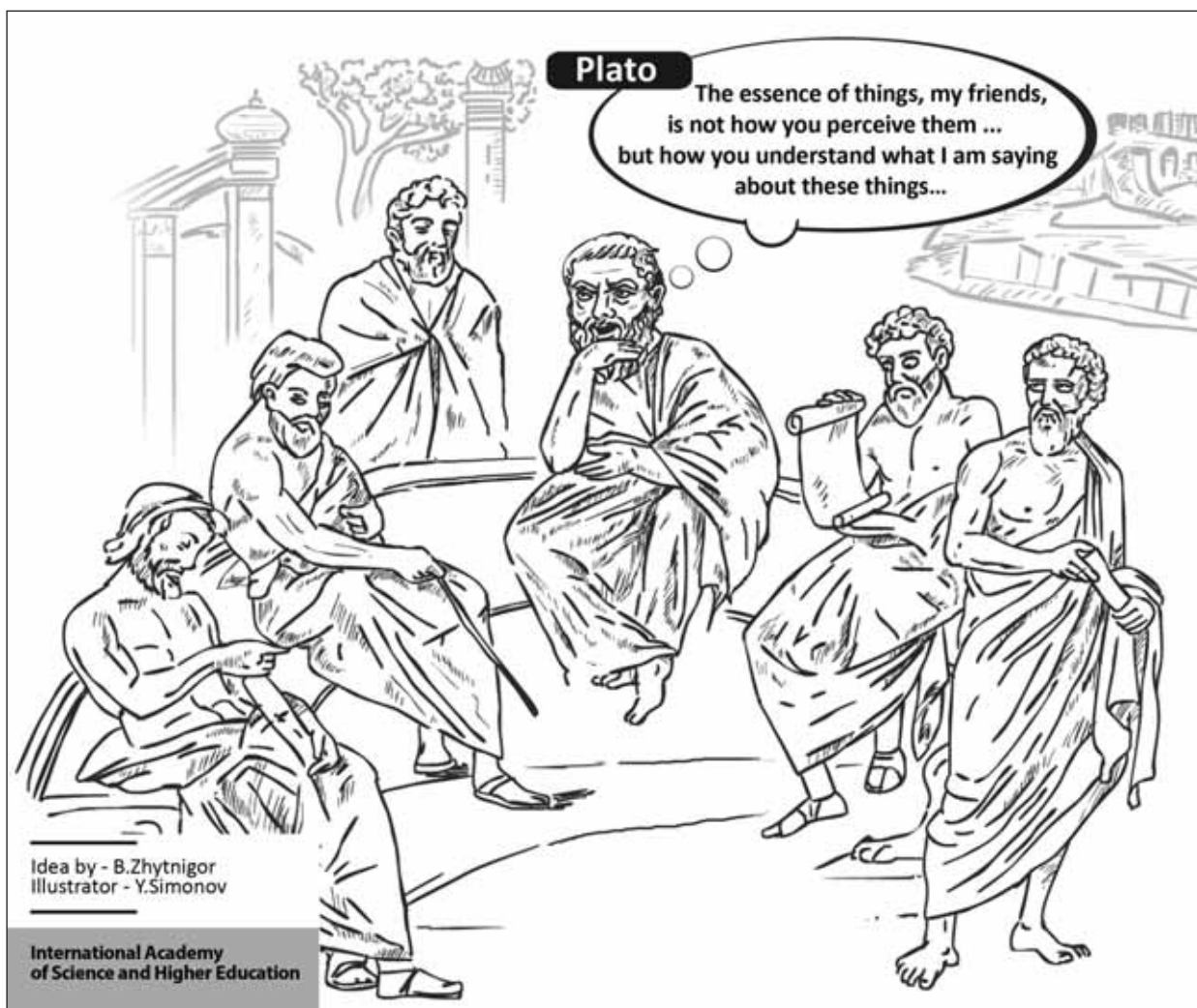
3. Сапожникова Ю.Л. Классические и новые истории рабов: преемственность жанров в творчестве афро-американских писательниц (Г. Джейкобс, Ш.Э. Уильямс и Л. Керри): монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2011.

4. Brewer J. Mason. American Negro Folklore. Chicago: Quadrangle Books, 1968. <http://dx.doi.org/10.2307/271384>

5. Carney-Nunes Charisse. Songs of a Sisternom. Motherhood Poems. Washington: Brand Nu Words, 2004. URL: <http://www.tributetoblackwomen.com> (дата обращения 21.10.2013)

Information about author:

1. Irina Vakorina - Assistant, Smolensk State University; address: Russia, Smolensk city; e-mail: mirnaja1@yandex.ru

LOAN-WORD AS THE WAY TO ENRICH THE BANKING AND FINANCIAL TERMINOLOGY OF THE UZBEK LANGUAGE

E.T. Shirinova, Senior Researcher, Doctoral Candidate
Tashkent State Pedagogical University named after Nizami,
Uzbekistan

In this report the author presents the ways of development of the banking and financial terminology at the expense of external sources, i.e. through borrowing foreign words. The author provides the statistical data on quantity of the adopted terms and original characteristics of borrowings in the given terminological system of the Uzbek language.

Keywords: term, borrowing, calque, external source, ways of enrichment, banking and financial terminology.

Conference participant

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОБОГАЩЕНИЯ БАНКОВСКО- ФИНАНСОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Ширинова Е.Т., ст. науч. сотр., соискатель
Ташкентский государственный педагогический университет
им. Низами, Узбекистан

В данной статье излагаются способы развития банковско-финансовой терминологии за счёт внешних источников, то есть за счёт заимствования иноязычных слов. Даются статистические данные о количестве заимствованных терминов и своеобразная характеристика заимствований в данной терминологической системе узбекского языка.

Ключевые слова: термин, заимствование, калька, внешний источник, способы обогащения, банковско-финансовая терминология

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i6.853>

Из истории человечества известно, что разные народы жили в соседничестве друг с другом. Поэтому историю, культуру и язык любого народа и нации невозможно представить без элементов, которые относятся другому народу и нации.

Социально-экономические, политические, культурно-научные отношения между странами способствует вхождению интернациональных слов, то есть заимствованию иноязычных единиц разными способами в лексический состав национальных языков. Такие международные отношения в первую очередь повлияли на сферу банк-финансы, которая уже сформировалась и превратилась в неотъемлемую часть жизни общества. В результате международной купле-продаже, которая возникла с древних времен, в язык продавцов и покупателей начали входить слова, понятия, называющие товары, изделия и услуги, которые не существуют в родном языке.

Вопрос заимствования, который по фактам является очень древним, привлекал внимание многих специалистов – языковедов, ученых. Рассуждая этот вопрос А.А.Реформатский утверждает что: «Среди заимствований следует различать, прежде всего, слова усвоенные и освоённые и слова усвоенные, но не освоённые» (7;140). Анализируя, с этой точки зрения, термины банковско-финансовой системы узбекского языка, выяснилось что, 30% терминов, которые начинаются с «А», приведенные в словаре «Бухгалтернинг изоҳли луғати»

(Толковый словарь бухгалтера) являются заимствованными: аккредитив, актив, акцепт, акционер, акция, алиментлар, амортизация, архив, ассортимент, аудитор и др. Большое количество этих терминов являются усвоенными и освоёнными. Потому что, эти термины глубоко вошли в общественную жизнь и часто используются специалистами.

Заимствование – это процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (прежде всего, слово или полнозначная морфема), а также сам такой иноязычный элемент. Заимствование – неотъемлемая составляющая процесса функционирования и исторического изменения языка, один из основных источников пополнения словарного запаса. Термин заимствование был введен в лексику У.Вайнрайхом, и позднее был использован А.Мартине для объяснения процесса взаимодействия различных языков вне зависимости от их сходства и их социальной принадлежности (8;98). Процесс заимствования является важным не только для языкознания, но и для истории, социологии. Потому что, если рассматривать процесс заимствования в разрезе стран и периода, в зависимости от количества и источника языка заимствующихся единиц, можно определить степень международных отношений и с какой страной были произведены эти отношения. Заимствование иноязычных единиц разных языков в разные периоды являются разными.

В большом количестве терминологических исследований значительное внимание уделяется количеству и значению иноязычных элементов в рассматриваемом объекте. В свою очередь, это даёт практическую возможность определить активность заимствованных единиц в языке, способы и причину заимствования и её своеобразность.

Заимствование может производиться в нескольких видах. По отношению этих видов существуют разные точки зрения ученых. Например, Г. Пауль, выделял 2 вида иноязычного влияния: 1) заимствование иноязычного материала (слова, словосочетания, значения которых «свойственно всей группе в целом» словообразовательные аффиксы, реже флексии); 2) заимствование иноязычной формы; язык «может использовать только свой собственный материал, однако комбинирование его элементов и их приспособление к содержанию соответствующего понятия производится по чужеземному образцу» (6;461). По мнению О.М.Синьковы, наиболее полную и четкую классификацию заимствования составил А. Э.Хауген, рассматривавший в качестве заимствования перенос из иностранного языка лексемы, форма которой «в заимствующем языке должна находиться в более или менее диафоническом соответствии с иностранным образцом» (12;77). Также языковед считает что: «Заимствование слова – это старания внести свои знания в другой язык че-

ловека владеющего иностранным языком» (13;345).

Займствование иноязычной лексики является новым явлением среди процессов, которые обогащают словарный состав узбекского языка и как способ номинации понятий и обновления существующих понятий имеет свое большое значение и важную роль. Также нужно отметить, что заимствование в банковско-финансовой терминологической системе является наиболее активным способом обогащения словарного состава языка.

Как выше отмечено, существуют несколько способов заимствования. В результате исследований выяснилось что, в банковско-финансовой терминологической системе активны прямое заимствование и калькирование. Далее, будем анализировать активность вышеуказанных способов заимствования в банковско-финансовые терминологической системе. Нужно подчеркнуть что, большое количество заимствований в узбекский

язык вошли через русский язык. Кроме этого, «В новое время подлинно международными языками, способными претендовать на глобальную роль, были и остаются европейские языки, а во второй половины XX века обозначилось доминирование одного из них – английского. Английский в обязательном порядке используется в управление воздушным движением, он доминирует в интернете, даёт подавляющую часть терминологии и сокращений, используемых в банковском бизнесе, в технике, в частности компьютерной, в сфере связи» (8;101).

Почти во всех специфических терминологиях и в составе общепотребительной лексики существуют заимствованные и интернациональные единицы. Большое количество банковско-финансовых терминов имеют интернациональный характер, потому что колыбелью возникновения банковско-финансовой системы и соответственно терминов этой специальности являются европейские страны. Это касается не

только банковско-финансовой терминологической системы узбекского языка но и других языков. Так как, в статье Гулиевой Эфсане подчеркивается что: «Подавляющее большинство непродизводных экономических терминов в турецком и азербайджанском языках заимствованы из других, чаще всего европейских языков. Следует отметить, что заимствованное слово иногда сохраняет свой первоначальный фонетический облик, а иногда претерпевает определенные изменения» (1;15). Автор статьи приводит мнения Ш.Гасанли «Большинство поступающих в язык заимствований остаются без каких-либо изменений. Это, как правило, интернациональные слова, т.е. первоначальные наименования понятий. Поэтому из-за отсутствия такого слова в других языках или по иной причине в каждом из языков мира принимается слово, выражающее данное понятие. Заимствования обычно преобладают в языке. В особенности, перемены последних лет на фоне процессов интеграции и глоба-

Словарь банковских терминов Векипедия (С.№)	Ибрагимов А.А., Мирзарахмедов М.У., Усмоналиев Ж.Х. «Молия», «Молия бозори ва биржа иши» фанларидан таянч сўз ва иборалар тўплами. (Б. №)
государственный бюджет(С.103)	давлат бюджети(Б.13)
внебюджетные фонды(С.80)	бюджетдан ташқари маблағлар(Б.11)
финансовая интеграция (С.611)	молиявий интеграция (Б.25)
страховые фонды (С.550)	суғурта фондлари (Б.34)
финансовые инвестиции (С.612)	молиявий инвестиция (Б.25)
бюджетный дефицит (С.63)	бюджет тақчиллиги (Б.10)
фьючерсный контракт(С.624)	фьючерс битими (Б.39)
финансовый механизм (С.613)	молиявий механизм (Б.25)
счет текущих операций (С.555)	жорий операциялар ҳисоб рақами (Б.17)
финансовые ресурсы (государства, региона, предприятия, фирмы) (С.613)	молиявий ресурслар (Б.26)
неконвертируемая валюта (С.235)	конвертация қилинмайдиган валюта (Б.21)
валютные операции (сделки) (С.70)	валюта операцияси (Б.11)
валютные счета (С.70)	валюта счёти (Б.11)
страховое возмещение (С.549)	суғурта бадали (Б.33)
страховой рынок (с.550)	суғурта бозори (Б.33)
срок страхования (С.541)	суғурта муддати (Б.33)
денежная реформа (С.120)	пул ислохатлари (Б.29)
именные ценные бумаги (С.175)	номи ёзилган қимматбаҳо қоғоз (Б.27),
финансовый кризис (С.613)	молия инқирози (Б.24)
финансовый год (С.613)	молия йили (Б.24)
финансовые резервы (С.612)	молиявий захиралар (Б.25)
финансовые показатели (С.612)	молиявий кўрсаткичлар (Б.25)
финансовые отношения (С.612)	молиявий муносабатлар (Б.26)
финансовые инструменты (С.612)	молия воситалари (Б.24)
финансовая система (С.611)	молия тизими (Б.25)

лизации выражаются интернациональными словами. Эти слова принадлежат европейским языкам, точнее – в основе своей восходят к латинскому и итальянскому» (2/1;15).

Термины, имеющие интернациональный характер в большинство языков заимствуется без изменений (из за фонетических особенностей языка они могут иметь изменения в произношении) и широко используются. Например: банк – узб. банк, рус. банк, англ. *bank*, итал. *banco*, фр. *banque*; капитал – узб. капитал, рус. капитал, англ. *capital*, фр. *capital*, лат. *capitalis* и т.д. основной причиной заимствования таких единиц без изменений в ряду с их интернациональным характером является то, что они оторваны от определенной языковой системы и то, что в заимствующем языке не существуют эквивалентные варианты, которые могут передать значение этого термина. Поэтому, не смотря на то, что часто в результате заимствований возникает терминологическая синонимия между лексическими и заимствованными единицами как: брокер, даллол, воситачи, заимствование интернациональных терминов препятствует возникновению терминологической синонимии.

Существуют некоторые особенности заимствования способом кальки. Из за того что, в узбекском языкознании существуют исследования (14) и научная-теоритическая литература (3, 4, 5, 9, 10, 11), посвященные этому вопросу, в данной статье не существует потребность описанию этой проблемы и впрямую даётся анализ банковско-финансовых терминов. В следующей таблице, даётся общий портрет терминов, заимствованных способом кальки с иностранных языков (в основном с русского языка) в узбекский язык. Проводится сравнительный анализ терминов данных, в «Словаре банковских терминов Википедия» и в сборнике слов по специальности «Финансы», «Финансовый рынок и работа по бирже» («Молия», «Молия бозори ва биржа иши») в соавторстве А.А.Ибрагимов, М.У.Мирзарахмедов, Ж.Х. Усмоналиевых.

Виды заимствование терминов банковско-финансовой терминологической системе узбекского языка очень разнообразны. В некоторых из них, один компонент многокомпонентного термина заимствуется без изменений, а осталь-

ные переводятся (1-10). В определенных терминах компоненты иноязычной единицы заимствуются в прямую, переводятся только морфемы формирующие сочетание (11,12, 13). Ещё в некоторых компоненты переводятся дословно, и сохраняется только иноязычный образец (14-25). Существует ещё такая группа заимствованных терминов, в которых меняется очередность компонентов при заимствовании лексем (число таких заимствований относительно мало): банк-лидер – лидер банк.

Картину, которая сходится по смыслу с выше указанной ситуацией, можно встретить и в заимствование слов в русский язык. Так как, в результате анализов Моряхина делает вывод, что: «существуют несколько наиболее распространенных способов перехода заимствованных слов в русский язык: трансплантация (буквально: пересадка), транслитерация (побуквенная передача слова в принимающем языке), транскрипция (звуковая передача заимствованного слова в языке рецептора), суффиксация (изменение графического или фонетического облика заимствованного слова с одновременным переоформлением иностранного суффикса на русский)» (4;25-26).

Опираясь на мнения всемирных ученых, а также на новейшие исследования можно сделать вывод, что терминологические системы день за днем обогащаются многими источниками и способами в результате развития науки и техники, а заимствование является одним из активных способов обогащения банковско-финансовой терминологической системы и самого узбекского языка.

References:

1. Gulieva Efsane. *Neproizvodnye ekonomicheskie terminy v sovremennykh turetskom i azerbaidzhanskom yazykakh* [Non-derivative economic terms in the modern Turkish and Azerbaijani languages]., *Filologicheskie nauki* [Philology] Issue No. 3., 2013., Access mode: www.online-science.ru
2. Gasanli Sh. *Zaimstvovannye slova v turetskom literaturnom yazyke* [Loanwords in the Turkish language]. *Voprosy terminologii* [Matters of terminology]. – Baku., «El'm», 2009.

3. Mardanov Sh.K. *Russkie kal'ki v uzbekskom literaturnom yazyke* [Russian calque in the Uzbek literary language]. *Tyurkologicheskie issledovaniya*. [Turkological study] – Frunze., Ilim, 1986.

4. Moryakhina N.V. *Formirovanie i funktsionirovanie terminologii menezhmenta v russkom yazyke: diss....kand. filol. nauk* [The formation and operation of management terminology in the Russian language: Thesis by the Candidate of Philology] – Kazan', 2008.

5. Musaev K.M. *Formirovanie, razvitie i sovremennye problemy terminologii* [The formation, development and modern problems of terminology]. *Razvitie terminologii* [The development of terminology] – Moskva., Nauka [Science]., 1986.

6. Paul' G. *Printsipy istorii yazyka* [The principles of language history] – Moskva., Inost. Literature [Foreign literature]., 1960.

7. Reformatskii A.A. *Vvedenie v yazykoznanie*. [Introduction to linguistics] – Moskva., Aspect press, 2006., p. 140. - 536 P.

8. Sin'kova O.M. *Sposoby slovoobrazovaniya komp'yuternoi terminologii v arabskom literaturnom yazyke: na matireale sovremennoi pressy* [Methods of derivation of computer terminology in Arabic literary language: on materials of the modern press].. Diss. ... kandidata filol. nauk. [Thesis by the Candidate of Philology] – Moskva., 2007.

9. Tursunov U. va boshq. *Xozirgi yzbek adabii tili* [Present tense in the Uzbek literary language]. – Tashkent., Yzbekiston, 1992. – 400 P.

10. Tursunov U. va boshq. *Yzbek tili leksikologiyasi* [Uzbek language – lexicology]. – Tashkent., Fan, 1981. – 313 b.

11. Tursunov U. va boshq. *Yzbek adabii tilining tarakkieti* [Development of the Uzbek literary language]. *Uch zildlik. 3-zh.* [Edition in 3 tomes]. – Tashkent., Fan, 1991. – 187 P.

12. Khaugen E. *Yazykavoi kontakt* [Language contact]. *Novoe v lingvistike* [New things in linguistics]., No. 6. – Moskva., 1972.

13. Khaugen E. *Protsess zaimstvovaniya* [The process of word-

borrowing]. *Novoe v lingvistike* [New things in linguistics], No. 6. –Moskva., 1972. p. 345.

14. Shoakhmedov E. *Voprosy kal'kirovaniya s russkogo na uzbekskii yazyk* [Matters of calquing from Russian into the Uzbek language], Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [Thesis abstract by the Candidate of Philology] – Tashkent., 1974.

Литература:

1. Гулиева Эфсане. Непроизводные экономические термины в современных турецком и азербайджанском языках. // *Филологические науки*. Выпуск №3-2013г. www.online-science.ru

2. Гасанли Ш. Заимствованные слова в турецком литературном языке. // *Вопросы терминологии*, Баку: «Эльм», 2009.

3. Марданов Ш.К. Русские альки в узбекском литературном языке // *Тюр-*

кологические исследования. – Фрунзе: Илим, 1986.

4. Моряхина Н.В. *Формирование и функционирование терминологии менежмента в русском языке: дисс.... канд.филол.наук.* –Казань, 2008.

5. Мусаев К.М. *Формирование, развитие и современные проблемы терминологии* // Развитие терминологии. – М.: Наука, 1986.

6. Пауль Г. *Принципы истории языка*. –М.: Иност. литература, 1960.

7. Реформатский А.А. *Введение в языкознание*. –Москва: Аспект пресс, 2006. С.140. -536 с.

8. Синькова О.М. *Способы словообразования компьютерной терминологии в арабском литературном языке: на матиреале современной прессы. Дисс. ... кандидата филол. наук.* –М., 2007.

9. Турсунов У. ва бошқ. *Ҳозирги ўзбек адабий тили*. - Т.: Ўзбекистон, 1992. - 400 б.

10. Турсунов У. ва бошқ. *Ўзбек тили лексикологияси*. - Т.: Фан, 1981. – 313 б.

11. Турсунов У. ва бошқ. *Ўзбек адабий тилининг таракқиёти*. Уч жилдлик. 3-ж. –Т.: Фан, 1991. - 187 б.

12. Хауген Э. *Языковой контакт// Новое в лингвистике*. № 6. –М., 1972.

13. Хауген Э. *Процесс заимствования// Новое в лингвистике*. № 6. – М., 1972. С.345.

14. Шоахмедов Э. *Вопросы калькирования с русского на узбекский язык: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.* – Т., 1974.

Information about author:

1. Ekaterina Shirinova - Senior Researcher, Doctoral Candidate, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Uzbekistan; e-mail: moxi5690@mail.ru

The AICAC Secretariat

Tel: + 12 024700848

Tel: + 44 2088168055

e-mail: secretariat@court-inter.us

skype: court-inter

**AMERICAN INTERNATIONAL
COMMERCIAL
ARBITRATION COURT**

The American International Commercial Arbitration Court LLC – international non-government independent permanent arbitration institution, which organizes and executes the arbitral and other alternative methods of resolution of international commercial civil legal disputes, and other disputes arising from agreements and contracts.

The Arbitration Court has the right to consider disputes arising from arbitration clauses included into economic and commercial agreements signed between states.

Upon request of interested parties, the Arbitration Court assists in the organization of ad hoc arbitration. The Arbitration Court can carry out the mediation procedure.

For additional information
please visit:
court-inter.us

**ANTONYMS AND SYNONYMS IN
ARTISTIC SPEECH BY V. VINNICHENKO:
LINGUO-STYLISTIC ASPECT**

O. Tarasenko, Teacher
Military Academy, Odessa National Maritime Academy,
Ukraine

In this report the author provides the analysis of lexical units (antonyms and synonyms) on the basis of fiction books by Vladimir Vinnichenko. Antonyms and synonyms have been proved to create a contrast and influence the verbal phrases expression. It was revealed that the author had used common and contextual antonyms and synonyms, promoting the sophistication of thoughts and creating the stylistic decorations.

Keywords: antonymic contrast, synonymic, connection between synonyms and antonyms, writer's individual style.

Conference participant

**АНТОНИМЫ И СИНОНИМЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
РЕЧИ В.ВИННИЧЕНКО:
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Тарасенко О. Д., преподаватель
Военная академия, Одесская национальная морская
академия, Украина

В статье проведен анализ лексических единиц (антонимы, синонимы) на материале художественных произведений Владимира Винниченко.

Доказано, что антонимы и синонимы образуют контраст и влияют на экспрессию словесного выражения. Выяснено, что автор использовал в произведениях общеупотребительные и контекстуальные антонимы и синонимы, которые придают стилистическое украшения и изысканность мысли.

Ключевые слова: антонимический контраст, синонимический, связь антонимов и синонимов, идиостиль писателя.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i6.854>

Владимир Винниченко – знаковая личность в истории украинской культуры, творец, которому судьбой суждено пройти великий и в тоже время трагический жизненный путь. В истории украинской литературы В. Винниченко известен как писатель, драматург. Поэтому не удивительно, что его жизненным путем и творческим наследием интересовалось много ученых. Среди огромного количества исследований, опубликованных в периодике, научных статьях, известными открытиями стали работы Т. Гундоровой, Г. Клочека, В. Гуменюка, С. Михиди, В. Панченко, Н. Жулинского и др.

В целом личность В. Винниченко изучалась в разных ракурсах: литературном, философском, психологическом, языковедческом.

Последнее десятилетие характеризуется появлением новейших перспектив в переосмыслении Винниченковского наследия. В частности, появилось достаточное количество научных исследований, в которых творчество В. Винниченко изучается с лингвистической точки зрения (Г. Волчанская «Функции обращения в прозаических произведениях Владимира Винниченко, Т. Громко, Р. Стецюк «Руссизмы» в творчестве В. Винниченко, Л. Гуцул «Функциональная нагрузка колористических адъективов «белый» и «серый» в прозе В. Винниченко», Н. Задорожная «Лингвистические особенности детской речи в ма-

лой прозе Владимира Винниченко» и многих других.

Не смотря на такое количество научных работ, языковой аспект остается недостаточно изученным. Не находим студий, в которых исследовано антонимию и ее связи с синонимией на материале произведений В. Винниченко. Это и составляет меру новизны, которая дает право говорить об актуальности нашего исследования.

Цель статьи предполагает решение следующих заданий:

проанализировать все возможные варианты и место расположения синонимов и антонимов в предложениях;

- доказать, что антонимы и синонимы образуют контраст и этим делают экспрессивней выражение;
- проанализировать связь синонимов и антонимов в предложении;
- доказать, что антонимический контраст по сравнению с синонимическим экспрессивней.

Предмет исследования: антонимия и синонимия в ракурсе идиостиля В. Винниченко.

Объект исследования: язык художественных произведений писателя «Раб краси», «Малорос - європеєць», «Федько - халамидник», «Краса і сила», «Зіна», «Роботи», «Момент», «Стелись барвінку, стелися, низенько», «На той бік».

В лингвистических работах часто находим определение и стилистическую роль лексических единиц: антонимы и синонимы. В языковедческих

важных студиях одно из заметных мест занимает исследование контраста. И как известно, разного рода контрасты могут строиться и при помощи синонимов. Вопросу «Лингвостилистика синонимических контрастов» должное внимание уделил В. А. Чабаненко. Так, научный деятель утверждает: «Контрастировать как семантически соотносимые единицы способны не только антонимы, но и синонимы. Синонимические контрасты также используются с разной лингвистической целью» [16, с.31].

Таким образом, на основе доказательств упомянутого языковеда попробуем выявить наличие именно синонимического контраста и его особенностей на материале художественного языка.

Самый простой синонимический контраст выявляется при сопоставлении двух одноплановых синонимов: «... в той глубокий, чарующий погляд» [1, с.7]; «Ім весело й люблю!..» [1, с. 242]; «Ввечері Толя хворий, гарячий лежить у постелі» [2, с. 243]; «Розібрати не можна було, що він сам кричав, але чути, щось веселе й завзяте» [2, с. 248].

Такое употребление синонимов своей целью ставит обратить внимание на какую-то точку зрения, разнообразить семантическую палитру высказывания, уточнить что-то и полнее охарактеризовать предмет, явление, признак или действие. Корреляция значения при этом едва заметна и со стилистической точки зрения почти

не важна. В любом случае, она мало влияет на экспрессивные качества речи. Другое дело, когда подобные синонимические контрасты парно уплотняются. Приводим примеры: «І в тихому сьому питанні, наче в розбитому голосі, було стільки теплої ласки, скільки благання й жалю винуватого, що у Мотрі наче мороз пройшов по тілу» [1, с. 15].

В таких случаях синонимический контраст, несомненно, усиливает стилистическую выразительность речи.

Контрастируют синонимы и при их внедрении, когда есть возможность сопоставить разные смысловые оттенки слов. От такого сопоставления в полной мере зависит экспрессивность амплификационных и градационных синонимических рядов: «Схилився Ілько на тин і завмер, – ні думок, ні бажань, навіть дихання не почував він у собі; тільки чув, як сонце гріло, пекло в спину, як розливалось якісь лінощі по тілі і байдужість до всього» [1, с.6]; «Але торг проводиться повагом, не хапаючись, не передираючись один перед другим; торгуються спокійно, поважно, де-не-де із смішком, із тонкою іронією, з коментарями до товару; торгуються без видирання очей, без дикого запалу, без хитрощів, але з тонким підходом [1, с. 19-20].

Наблюдаем и другие виды синонимического контраста. Ярким примером будет синонимический контраст, который построен на основе повторов однокоренных слов синонимов, одно из которых усиливается частицей да (так); протиставляються один другому однокоренные структурно модифицированные компоненты. Например: «Василь виходив далеко-далеко у поле, так далеко, що тільки ледве видно було різнокольорові вогні станції та сіре сяєво над городом» [1, с. 193].

Не можем не обратить внимание на разновидность синонимического контраста – контраст по граматико-словообразовательной структуре: «Сумно. А ще сумніше в темний, довгий, холодний вечір» [1, с.38]; «Потемнілі, потемнілі, густо-сині очі мовчки, неодривно, неодривніше, ніж досі, одверто зупинилися в очах доктора» [1, с. 461].

Среди всех типов языковых контрастов самым популярным, чаще всего употребляемым и наиболее устоявшим-

ся есть контраст семантико-коррелятивных или противоположных единиц, то есть антонимический контраст.

Употребление семантико-контрастных лексем способствует более яркому выражению точки зрения и всегда сопровождается определенными эмоционально-экспрессивными красками речи. Контраст семантико-коррелятивных единиц, как экспрессивный способ, широко используется в устной, бытовой и ораторской речи, в речи публицистики, эпистолярной и, конечно же, художественной литературе и фольклоре.

На примере произведений Винниченко рассмотрим разновидности размещения и особенности использования антонимов, их тесную связь с синонимами.

Умеренной экспрессивностью отмечаются контрасты, построенные на противопоставлении антонимов, которые соединяются в коррелятивную пару сочинительной (союзной и бессоюзной) связью и оформляются как два рядом выступающих однородных члена предложения. Даем пример: «Верходуб обережно і дбайливо ніс через життя келих своєї мудрості, зібраної по краплі з гірких і солодких квітів буття» [1, с. 427]; «Будучи філософом, він спокійно ставився до боргів своїх партнерів у картах, уважаючи, що всяка гра, – чи в карти, чи в свій спокій чи навіть у життя, – сама в собі вже має виграш чи програш, залежно від ступня вияву своєї сили волі» [1, с. 427].

Из приведенных выше примеров видно, что антонимы, которые в своей очереди выступают однородными членами предложения, соединяются с помощью союзов сочиненности: и, или.

Далее подаем примеры предложений, где антонимы соединены при помощи бессоюзной связи: «Машина реве, дзичить і вкривається згори донизу туманом пороку й полове» [2, с.43]; «Сам був «парнишка» дебелий, «гвардійонець», як казали його односельчани, і на всіх через те дивився згори вниз» [2, с.204].

Наблюдения показали, что автор использует больше в предложениях союзную связь среди антонимов.

Часто встречаем в текстах такие конструкции, когда члены коррелятивной пары текстуально отдалены,

тогда семантико-стилистическое напряжение между ними несколько увеличивается. Подтверждаем сказанное примерами: «Так наче Гриць або Стёпка там угорі і тягне за нитку, балується там і дирчить униз...» [1, с. 238]; «І той кордон я мусив неодмінно у той же день перейти, не ждучи навіть ночі» [1, с. 204].

Экспрессия выражения значительно возрастает, когда сопоставительные элементы антонимической пары:

а) усиливаются атрибутами, которые, в свою очередь есть антонимическими: «Голова говорила про те, що круг вокзалу стоять солдати і козаки, що сили нерівні, що жертв буде багато, а здобутку мало» [1, с.204]; «А Бог велів усім робити, а чому ж пани нічого не роблять?» [3, с. 63];

б) поддерживаются повтором: «І сердишся на його – йому жалко. І цілуєш, теж жалко» [1, с. 100];

в) усиливается сравнением (в нашем случае предложные усилено контекстуальными синонимами, которые противопоставляются антониму, который усилен сравнением. Пример: «Гвалт, бризки, верещання, нічого не розбереш... А на березі тихо стало, як у церкві, коли дари приносять» [3, с. 166];

г) входят к градационному ряду: «Що може злякати людину, яка завтра, сьогодні, через годину, через хвилину може загубити найцінніше – життя» [1, с. 429].

Стилистическая выразительность изречения возрастает также тогда, когда коррелятивные пары нагромождаются: «Здавалось, то саме життя плило на них. Убране в сміх і сльози, в радість і страждання, з посмішкою ненависті й любові, воно гордо лежало на сих розкішних хвилях і таємниче, пильно дивилось в душу Василеві своїм дужими очима. І душа його, як раб, завмерла й не зміла рухатись. І повна того самого сміху й сліз, страждання й радості, ненависті й любові, вона росла, давила груди, розпинала череп і билася риданням в горлі...» [1, с.101].

Интересны случаи, когда контрастные элементы при их нагромождении сопоставляются не поодиночке, а комплексно: «І вся ця довга низка людей в грубій, убогій одежі з клунками на плечах, людей з поширеними очима, з грубими обличчями й голосами справляла

таке враження тут, як справляє в убогій вулиці села кавалькада розкішно вбраних людей з м'якими руками, ніжними, випещеними обличчями й делікатними голосами. І тепер сі ніжні, випещені люди озирались на сих грубих людей, сторонились їх і довго дивились їм услід, як дивляться на рідку та дивну процесію» [1, с.101];

д) підтримується синонімією: «Тільки ж вмішасться де жид або циган, там спокій сей змінюється на крик, на гвалт, сварку, іноді й бійку» [1, с.22].

Как показывают примеры, экспрессия, порожденная логически и семантически разноплановыми столкновениями, всегда усиливается амплификацией либо градацией контрастирующих элементов, которые грамматически оформляются в виде однородных членов предложения. К тому же, она может усиливаться сопроводительной антонимизацией. Пример: «– Та -а-к... протягнув Ілько, не зводячи з неї очей і прислухаючись, як у грудях у його щось то захолюне, то залеліє з одного погляду її очі, в той глибокий, чаруючий погляд» [1, с. 7]; «...Федько теж ліпить. Але раптом встане, подивиться - подивиться – і візьме та й повалить уже чисто – і своє, і чуже...» [1, с. 237].

Далее проведем наблюдение относительно позиционного построения антонимической пары. Противопоставления може строится:

а) одиночный член – словосочетание. Приводим пример: «Я ж і тепер скажу: не бить буду, а уб'ю, як побіжиш жінкою!» [1, с. 17]; «Ти, їй – Богу, Ільку, чудний: самому не до душі, а йдеш» [1, с.31]; «Із свинопасами тобі гратись, а не з благородними дітьми...» [2, с.241]; «...Або думаєш собі, чого ми такі бідні та нещасні. Другі ж люди он там, на станції, живуть у розкошах...» [1, с. 100].

б) позиционное построение представлено как противопоставление, которое воспроизведено на уровне словосочетаний в роли главной пары: «І через те, що тут не було тих згуків, вулиця була не так осяяна, і звозики не бігали з веселим гуркотом, а стояли понурившись, немов журилися» [1, с.103]; «Словом, стало зовсім не гірше, а далеко краще» [1, с. 192]; «Кость раптом перестав дрижати і лежав недвижно» [1, с. 224].

Стоит отметить использование автором в тексте рядом собственно антонимов и контекстуальных антонимов. Именно такие конструкции дают предложениям (изречениям) самую высокую степень проявления экспрессии. Подтверждаем сказанное примерами: «В цій пісні оповідалось, що в Захарчука легка совість і важка кишеня» [2, с. 181]; «...Хіба що здаду чим ударять та памороки заб'ють. Ну, тоді їхня взяла. А як спереду, то хтось з нас живий не буде» [2, с. 174].

По наблюдениям, принцип «и то, и не то» присущий В. Винниченко: «– Ну, то щоб не по-вашому і не по-моєму» [1, с.21]; «...як видно було, не розумів ні того, ні другого, але самий процес суперечки, очевидячки, йому страшенно подобався» [1, с. 41];.

При исследовании и изучении антонимии выяснили, что антонимы делятся на две группы. Первую группу представляют антонимы лексические, общеупотребительные «точные» (Шанский Н.Н.), «стилистически нейтральные» (Миллер Е.Н.), «собственно лексические» (Пономарев А.Д.), для которых характерна по классическим канонам парность состава – наличие позитивного и негативного членов.

Вторую группу представляют контекстуальные антонимы, которые в обычном использовании не имеют противоположных значений. «Противоположность значений у таких слов образуется только в индивидуальном использовании; то есть в специальном контексте. Это антонимы речи, либо контекстуальные, то есть слова, которые приобретают антонимические отношения только в определенном контексте» [15, с.60].

Стоит дополнить, что замечена довольно тесная, своеобразная связь общеупотребительных и контекстуальных антонимов в языке произведения писателя.

Выше проанализированные предложения еще раз подтверждают, что мастер неординарно создавал то или иное предложение, мысль. Наблюдения подтверждают, что именно такие приемы дают стилистическую окраску, утонченность и неповторимость мысли автора.

Нужно отметить, что В. Винни-

ченко является самобытным художником, с неповторимой, присущей языковой палитрой только ему.

Такие трактования, безусловно, связаны с понятием «образ автора». По определению В. Виноградова, ««образ автора» – это индивидуальная словесно-речевая структура, которая пронизывает лад художественного произведения и определяет взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов. Именно через образ автора мировоззрение писателя соотносится с языковой структурой произведения» [3, с. 151].

С выше сказанного можно сделать такие выводы:

- в создании контраста, экспрессии изречения занимают место синонимов и антонимов;
- чаще всего в языковом творчестве писателя есть антонимический контраст;
- антонимический контраст используется различный по семантике и структуре;
- связь антонимов и синонимов в предложениях образует утонченность и самую высокую меру экспрессии;
- в тексте (предложении) экспрессивно контрастные элементы могут находиться на расстоянии, выступать рядом, а также создавать одну лексическую целость (слово);
- с помощью антонимических и синонимических контрастов может образовываться экспрессия разного рода: экспрессия иронии, экспрессия сарказма и т.п.; все зависит от стилистического наставления, с которым контраст уживается; от добора контрастирующих единиц и от их стилиевой и стилистической маркированности;
- лингвостилистические контрасты – это продукт языкового творчества; поскольку языковое творчество бывает разных интеллектуальных уровней, то и контрасты бывают разной сложности и стилистической ценности;
- самый сложный и стилистически наиболее влиятельными являются, безусловно, те контрасты, которые созданы языкотворчеством высшего уровня, то есть художественным языкотворчеством;
- лингвистика контрастов в языке художественного произведения зависит от мастерства автора;

• благодаря существованию в художественной речи контрастов, автор пользуется большим выбором средств, которые помогают ему организовать, идейно и эстетично наполнить художественный текст.

Таким образом, В. Винниченко довольно качественно использовал антонимический и синонимический контраст в своих произведениях. На извлечение новых, свежих, оригинальных качеств контраста были направлены его творческие усилия.

Исследование данной темы продолжается.

References:

1. Vinnichenko V. K. Proizvedeniya v dvokh tomakh. [Works in two volumes] – Kiev., «Dnipro», Vol. 1., 2000. – 585 P.
2. Vinnichenko Vladimir. Izbrannoe: dlya srednego i starshego vozrasta [Vladimir Vinnichenko. The best works: for the middle-aged and older]. – Kiev., Shkola [School], 2002. – 304 p.
3. Vinogradov V.V. O teorii khudozhestvennoi rechi. [On the theory of artistic speech]. – Moskva., Vyssh. shk. [Higher school], 1971. – 239 P.
4. Dudyk P.S. Stilistika ukrainskogo yazyka: uch.posob. [The style of the Ukrainian language: Textbook]. – Kiev., Akademiya [Academy], 2005. – 368 P.
5. Zhulins'kii M.G. Iz zabveniya – v bessmertie (Stranitsi prizabytogo nasledstva) [From Oblivion to the immortality (Pages of the forgotten legacy)]. – Kiev., «Dnipro», 1990. – 447 P.
6. Eshchenko T.A. Lingvisticheskii analiz teksta: uch. posob. [Linguistic analysis of the text: Textbook] T.A. Eshchenko. – Kiev., VTs «Akademiya», 2009. – 264 P.
7. Kotsyubins'kaya M. Literatura kak isskustvo slova: Nekotorye printsipy literaturnogo analiza khudozhestvennogo yazyka [Literature as the art of words: some principles of literary analysis of the literary language]. – Kiev., Nauch. mysl' [Scientific thought], 1965. – 319 P.
8. Kochan I.M. Lingvisticheskii analiz teksta [Linguistic analysis of the text], 2-nd ed. proceed and compiled. – Kiev., Znanie [Knowledge], 2008. – 423 P.
9. Mats'ko L.A. i dr. Stilistika ukrains'kogo yazyka [The style of the Ukrainian language], Tutorial. – 2nd ed. [corrected]. – Kiev., Vysshaya shkola [Higher school], 2005. – 462 P.
10. Miller E.M. Antonimiya nominativnykh edinits v sovremennom nemetskom yazyke: Uch. posob. [Antonymy of nominative units in the modern German language: Textbook] – Kuibishev, 1985. – 423 P.
11. Miller E.M. Priroda leksicheskoi i frazeologicheskoi antonimii [Nature of lexical and phraseological antonymy]. – Saratov., izd-vo Sarat. un-ta, [Publishing House of the Saratov University] 1990. – 221 P.
12. Nauchnye zapiski [Scientific notes], Issue 92., Seriya: Filologicheskie nauki (literaturoznavstvo, yazykoznavstvo) [Series: Philology (Theory of literature, Theory of language)] – Kirovograd., RVV KDPU im. V. Vinnichenko, 2010 – 476 P.
13. Novikov L.A. Antonimiya v russkom yazyke: Semanticheskii analiz protivopozlozhnosti v leksike [Antonymy in the Russian language: Semantic analysis of differences in vocabulary]. – Moskva., 1973. – 290 P.
14. Novikov L.A. Khudozhestvennyi tekst i ego analiz [The literary text and its analysis]. – Moskva., Russ. yaz. [Russian language], 1988. – 308 P.
15. Sovremenniy ukrainskii yazyk: Uchebnik, [Modern Ukrainian language: Tutorial], A.D. Ponomariv, V.V. Rizun, L.Yu. Shevchenko and others;.. O.D. Ponomareva. – 3-d ed., pered. – Kiev., Libid', 2005. – 488 P.
16. Chabanenko V.A. Stilistika ekspressivnykh sredstv ukrainskogo yazyka [The style of expressive means of the Ukrainian language]. – Zaporozh'e., 2002. – 351 P.
17. Vinogradov V.B. O teorii khudozhestvennoi rechi. – M.: Vyssh. shk., 1971. – 239c.
18. Dudyk P.S. Stilistika ukrainskogo yazyka: uch.posob. – K.: Akademiya, 2005. – 368 s.
19. Жулинський М.Г. Из забвения – в бессмертие (Страницы призабытого наследства). – К.: «Дніпро», 1990. – 447 с.
20. Ещенко Т.А. Лингвистический анализ текста: уч.пособ. /Т.А. Ещенко. – К.: ВЦ «Академия», 2009. – 264 с.
21. Коцюбинська М. Литература как искусство слова: Некоторые принципы литературного анализа художественного языка. – К.: Науч.мысль, 1965. – 319 с.
22. Кочан И.М. Лингвистический анализ текста: [уч. пособ.] 2-ое изд. перед. и доп. – К.: Знание, 2008. – 423 с.
23. Мацько Л.А. и др. Стилистика українського мови: навчальний посібник – 2-ге вид. [испр.]. – К.: Вища школа, 2005. – 462 с.
24. Миллер Е.М. Антонимия номинативних одиниць в сучасній німецькій мові: Уч.пособ. – Куйбишев, 1985. – 423 с.
25. Миллер Е.М. Природа лексическої і фразеологічної антонимії. – Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 221 с.
26. Научные записки. – Выпуск 92. – Серия: Филологические науки (литературоведение, языковедение). – Кировоград: РВВ КДПУ им. В. Винниченко, 2010 – 476 с.
27. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике. – М., 1973. – 290 с.
28. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М.: Русск.яз., 1988. – 308 с.
29. Современный украинский язык: Учебник, А.Д. Пономарив, В.В. Ризун, Л.Ю. Шевченко и др.; за ред.. О.Д. Пономарева. – 3-те изд., перед. – К.: Либидь, 2005. – 488 с.
30. Чабаненко В.А. Стилистика експресивних засвід української мови. – Запоріжжя, 2002. – 351 с.

Литература:

Information about author:

1. Oksana Tarasenko - Teacher, Military Academy, Odessa National Maritime Academy; address: Ukraine, Odessa city; e-mail: dina2008-08@mail.ru

THE POETIC WORD AS THE CREATOR OF BEING IN MARTIN HEIDEGGER'S HERMENEUTICS

O. Radchenko, Candidate of Philology
Drogobych State Pedagogical University named after Ivan Franko, Ukraine

The article deals with the Heidegger's hermeneutic conception of the language. The philosopher interprets the language as an expression of the true being and a path to the forgotten human nature. However, the analysis of Hoelderlin's works makes Heidegger understand the poetry as a verbal creation of being and the role of a poet as a demiurge and a mediator between the gods and the people.

Keywords: Hermeneutics, the true being, language, poetry, M. Heidegger, F. Hoelderlin.

Conference participant

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО КАК СОЗИДАТЕЛЬ БЫТИЯ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

Радченко О. А., канд. филол. наук
Дрогобычский государственный педагогический университет им. Ивана Франко, Украина

Статья посвящена рассмотрению герменевтической концепции языка М. Хайдеггера. Философ интерпретирует язык как проявление истинного бытия и путь к забытой сущности человека. Вместе с тем анализ творчества Ф. Гельдерлина приводит М. Хайдеггера к пониманию поэзии как словесного созидания бытия и роли поэта как demiurge и посредника между богами и людьми.

Ключевые слова: герменевтика, истинное бытие, язык, поэзия, М. Хайдеггер, Ф. Гельдерлин.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i6.855>

На развитие немецкой герменевтики середины XX века большое влияние оказала философская концепция Мартина Хайдеггера (1889–1976), в частности его тезис о том, что в поэзии открывается то «бытие сущего» (Sein des Seienden), которое в реальной жизни разрушается. Это «бытие сущего» понималось как изысканное, истинное во всех вещах, независимое от любых политических и социальных предпосылок. А новая герменевтическая интерпретация литературы воспринималась как путь к открытию этого «бытия» – выявлению содержащегося в поэтическом слове смысла человеческой экзистенции. «Сущее», по мнению М. Хайдеггера, онтологически обладает круговой структурой. Его толкование должно соответствовать филологическому методу герменевтического круга, т.е. объяснению общего из конкретного и конкретного из общего. В подобной структуре М. Хайдеггер усматривал возможность первоначального познания [Heidegger 2006: 153]. Исходя из этого тезиса, новая герменевтика 50-х гг. все больше становилась поэтапным «освещением сути» (Wesenserhellung), «обнажением бытия» (Blosslegung des Seins), «расшифровкой смысла» (Sinnentschlüsselung), которые «ради истины пытались отграничить исходное, существенное от ненастоящего, вторичного, несущественного» [Hermand 1994: 125]¹.

Истинное бытие, по мнению М. Хайдеггера, живет в интимном лоне

культуры – в языке: «Язык – это дом бытия» [Heidegger 1993: 12]. Современное отношение к языку как к орудию превращает язык из «дома бытия», которым он был первоначально у всех народов, в сущее наряду с прочим сущим. Язык технизируется, становится средством передачи информации и умирает как истинная «речь» (Reden), как «высказывание» (Aussage) и «сказание» (Sage) [подробнее см.: Heidegger 2006: 153–166]. Вместе со смертью языка теряется тот последний элемент, что связывал современного человека и его культуру с бытием, исчерпывается источник жизни этой культуры. По мнению философа, из-за системы терминов люди забыли настоящий смысл вещей и смысл бытия. Слова означают теперь не то, что они означали когда-то и что означают на самом деле. Язык стал обыденным, потерял нечто крайне важное, стал «болтовней» (Gerede), набором пустых фраз и слов – орудием наравне с другими орудиями. Технизированная речь свидетельствует о забвении смысла существования, а напомнить этот смысл могут лишь поэты, ибо только поэтическая речь способна прорваться сквозь традиционную паутину метафизики к источникам истинного бытия. Этот истинный язык говорит о бытии, а мы лишь используем сказание языка (Sage der Sprache), мы употребляем сказание языка, чтобы рассказать о себе. Другими словами, не мы говорим языком, а «язык говорит нами» [Heidegger 1993: 147].

Язык ставит человека в «просвет» (Lichtung) бытия, открывает истинное бытия и в то же время путь к забытой сущности человека, поскольку он (язык) коренится в экзистенциальной структуре человека. Поэтому не слова и язык являются орудием для человека, а наоборот – человек становится орудием слова и языка, человек становится предвестником языка: через человека бытие говорит о смысле нашего существования. Язык – не функция человека, не свойство бытия, а субъект бытия. Этим М. Хайдеггер обосновывает словесность бытия: бытие тем и отличается от сущего, что не подлежит предметному выражению, а только «просвечивается» сквозь слово [Hirschberger 2003: 645]. Человек не создает слово каждый раз, когда говорит: слово является вестником бытия-времени (философ сравнивает функцию слова с посланником богов Гермесом), с помощью слова человек прислушивается к бытию. Поэтому язык герменевтичен². Язык приносит весть от самого бытия, язык говорит «языком» бытия, следовательно, бытие тоже герменевтично. В то же время язык, раскрывая истину бытия, является предпосылкой понимания. Именно из языка человек черпает первичное понимание бытия и самого себя. Бытие человека, языка, мира в целом – это горизонты, в точке пересечения которых каждую секунду возникает просвет бытия как Истины³. Так, М.

1. Здесь и далее перевод с немецкого языка мой – О.Р.

2. Отметим, что для М. Хайдеггера «герменевтический» означает не просто «толкование», а прежде всего «принесение вести». См.: [Heidegger 1993: 121–122].

Хайдеггер переносит герменевтическое понимание языка на герменевтическое понимание бытия, ведь именно язык дает возможность понять и познать истинное бытие.

Но услышать истину бытия дано не всем, а только поэтам. Поэт не является творцом языка, скорее он – вестник, который прислушивается к бытию и говорит от имени бытия. Образцовым в этом плане М. Хайдеггер считает немецкого писателя Ф. Гельдерлина (1770–1843), которого философ называет «поэтом поэтов». В стихе «Примиритель» (Versoehner, 1802) Ф. Гельдерлин пишет: «Много познал человек. / Назвал многих богов, / С тех пор мы – разговор / И слышать можем друг друга» [Hoelderlin 1923: IV, 343]. Так, бытие человека основано в языке, но может реализовать себя только в разговоре. Язык – это не только набор слов и правил их сочетания. Суть языка заключается в разговоре – способности человека говорить и слушать. В то же время и мы, люди, в понимании Ф. Гельдерлина, – это разговор, единый разговор⁴. Единство разговора заключается в возможности объединения людей. Это единение должно быть постоянным и продолжительным [Heidegger 1996: 38–39]. Однако, по мнению Хайдеггера, эти постоянство и продолжительность могут быть реализованы только в каждый отдельный момент настоящего, то есть в момент, где время раскрывается в своих протяженностях [подробнее см.: Heidegger 2006: 406–428]. Только человек ставит себя в настоящее продолжительного, он способен противостоять изменчивому и преходящему. Лишь когда происходит такой разрыв „бурного времени“ на настоящее, прошлое и будущее, возникает возможность сочетания в продолжительном. С тех пор мы – разговор, ибо разговор для М. Хайдеггера – это время. С тех

пор, как мы – разговор, человек много познал и назвал многих богов. Когда речь становится разговором, слово берут боги – и возникает мир⁵. Как только боги вводят нас в разговор и возникает время, разговор становится основой нашего «здесь-бытия» (Dasein) [Heidegger 1996: 124]. Итак, язык (в значении разговора) – высшее проявление человеческого бытия.

Кто же именует богов и кто способен остановить бурное время? Последняя строка стиха Ф. Гельдерлина „Воспоминание“ (Andenken, 1807) – своеобразный ответ: „Однако все постоянное создают поэты“ [Hoelderlin 1923: IV, 63]. Эти слова поднимают вопрос о сущности поэзии. Поэзия – создание с помощью слова и в слове, создание постоянного. Сам поэт именует богов и дает вещам имена в соответствии с их сущностью – в этом заключается его призвание и миссия [ср.: Heidegger 1996: 144, 183, 186–188]. Так поэзия, по мнению М. Хайдеггера, становится „словесным созиданием бытия“ [Heidegger 1996: 41]. В то же время в таком созидании должно появиться постоянное, которое нельзя слепить из преходящего, ведь бытие не ограничивается сущим [Heidegger 2006: 4]. Но поскольку бытие и сущность вещи не могут быть выведены из имеющегося, они должны быть произвольно созданы – подарены, причем со всей свободой. Такое дарование является не произволом, а высшей необходимостью [Heidegger 1996: 45]. Первоначальное именование богов и вещей приводит к обоснованию здесь-бытия человека в контексте этих богов и вещей [Heidegger 1996: 41–42]. Поэтому слова поэта являются творением не только в смысле свободного дарования, но и в смысле постоянного обоснования человеческого здесь-бытия.

Последнее цитируемое выска-

зывание Ф. Гельдерлина подтверждает приведенные рассуждения: „... поэтически живет человек на этой земле“ [Hoelderlin 1923: VI, 25]. Поэзия – творческое название богов и сущности вещей. «Поэтически жить» означает находиться в присутствии богов и в близости к сущности вещей. «Поэтическим» является наше «здесь-бытие» в своем корне: поэзия – фундамент нашей истории, ведь основой человеческого бытия является разговор как реализация первоначального языка [Heidegger 1996: 42]. Только в поэзии человек может найти основу своего бытия, а также покой – защиту от бурности времени. Поэзия является и первоначальным названием богов. Подобное толкование приводит М. Хайдеггера к констатации посреднической роли поэзии между богами и людьми: речь поэтов является восприятием божественных знаков и передачей их народу⁶. Создание бытия связано с божественной волей, но поэтическое слово может быть воспринято только как проявление «гласа народа» (Stimme des Volkes). Отсюда вывод: «Так сущность поэзии содержится в различных и однородных законах знаков богов и гласа народа. Сам поэт стоит между теми – богами и этими – людьми. Он словно выброшен из бытия – в это *между*, между богами и людьми. Но исключительно и первично в этом *между* определяется, кем является человек и где он укореняет свое здесь-бытие. ‘Поэтически живет человек на земле’» [Heidegger 1996: 46–47]. Извещая божественную святость, поэт обязан, прежде всего, думать о том, что беспокоит земных людей. Поэтому он выступает в роли проводника между людьми и богами, и со своей посреднической позиции должен уравнивать оба полюса.

Но где на земле человек локализует свое бытие, и какую роль при этом

3 Ср. мысль М. Хайдеггера о том, что искусство является «первичным свершением правды», а сущность поэзии заключается в создании правды [Heidegger 2005: 73, 77–81].

4 Этот тезис нашел свое дальнейшее расширение в диалогических концепциях XX в., например, у выдающегося русского философа и литературоведа М. Бахтина (1895–1975): «Само бытие человека (и внешнее, и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться» [Бахтин 1979: 312].

5 Подчеркнем созвучие соображений М. Хайдеггера о бытиетворяющей функции слова с библейским текстом: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Иоанн: 1, 1–3).

6 Напомним, что еще в Древней Греции толкование непостижимого для простых смертных языка богов было прерогативой определенных «посредников» между богами и людьми. Платон в диалоге «Ион» говорит о том, что толкователи богов – поэты: «Поэтому-то бог... делает их [поэтов] своими слугами, вещателями и божественными прорицателями... Поэты же – не что иное, как передатчики богов...» [Платон 1965: 262–263].

играет поэзия? Ответ на эти вопросы М. Хайдеггер ищет в стихотворении Ф. Гельдерлина „Словно в праздник...“ (Wie wenn am Feiertage, 1800). Не только люди живут на земле, первенство здесь принадлежит вездесущей, все- сильной и божественно прекрасной природе. Именно природа окружает поэта и своей божественной красотой „воспитывает“ его: только говоря посредством божественной красоты природы, поэт говорит правду [Heidegger 1996: 155]. Природа сама по себе почивает, но перед поэтом она открывается, просыпается и являет свою сущность как „святость“ (das Heilige). Эта святость, первоначально сокрытая в душе поэта, самораскрывается в его слове, в его песне, призванной пробудить сонную природу [Heidegger 1996: 68–70]. Именно прислушиваясь к сущности природы, поэт способен творить своим словом – именовать окружающие вещи. Так вездесущая природа становится всетворящей: посредством поэта она одухотворяет мир, оживляет его [подробнее см.: Heidegger 1996: 52–60]. В творческой песни поэта оказывается небесное, ведь она возвещает приход святости как „небесного огня“ (das himmlische Feuer). Оповещения грядущего делает поэта поэтом будущего – своеобразным пророком. Однако его предсказание, по мнению М. Хайдеггера, отличается от религиозного пророчества, ведь, исходя из сущности поэтического, оно предвещает не бога, а слово святости, идущее из

небесного [Heidegger 1996: 114]. Поэт имеет доступ к небесной сфере и может быть призван богами, которым он необходим для выражения их воли через поэтическое слово [Heidegger 1996: 191]. Только в такой возвышенности к небесному поэт способен закладывать основу для бытия людей на земле [Heidegger 1996: 121].

References:

1. Bakhtin M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]., Mikhail Bakhtin; compiled. S. Bocharov; primech. S. Averintseva, S. Bocharova. – Moskva., Iskustvo, 1979. – 424 P.
2. Platon. Izbrannyye dialogi [Selected dialogues]., Platon; Translated from ancient Greek.; Comp., an introductory article and comments. B. Asmus. – Moskva., Publisher “Khudozhestvennaya literatura” [Publishing house “Fiction literature”]., 1965. – 442 P.
3. Heidegger M. Sein und Zeit. Martin Heidegger. – 19. Aufl. – Tuebingen., Max Niemeyer, 2006. – 446 P.
4. Heidegger M. Der Ursprung des Kunstwerks. Martin Heidegger; [mit einer Einfuehrung von Hans-Georg Gadamer]. – Stuttgart., Philipp Reclam jun., 2005. – 117 P. <http://dx.doi.org/10.3196/219458451467155>
5. Heidegger M. Erlaeuterungen zu Hoelderlins Dichtung. Martin Heidegger. – 6., erw. Aufl. – Frankfurt am Main., Vittorio Klostermann, 1996. – 208 P.
6. Heidegger M. Unterwegs zur Sprache. Martin Heidegger. – 10. Aufl. – Stuttgart., Neske, 1993. – 269 P.
7. Hermand J. Geschichte der Germanistik. Jost Hermand. – Reinbek bei Hamburg., Rowohlt, 1994. – 280 P. <http://dx.doi.org/10.1515/arbi.1995.13.3.271b>
8. Hirschberger J. Existenzialphilosophie. Johannes Hirschberger. Hirschberger J. Geschichte der Philosophie: Neuzeit und Gegenwart. – 12. Aufl. – Koeln., Komet, 2003. – pp. 631–652.
9. Hoelderlin Fr. Saemtliche Werke. Friedrich Hoelderlin; [historisch-kritische Ausgabe von Norbert von Hellingrath, Friedrich Seebass und Ludwig von Pigenot]. – 2. Aufl. – Berlin., Propylaeen, 1923. – Bd. IV: Gedichte: 1800–1806. – XXII, 397 P.;

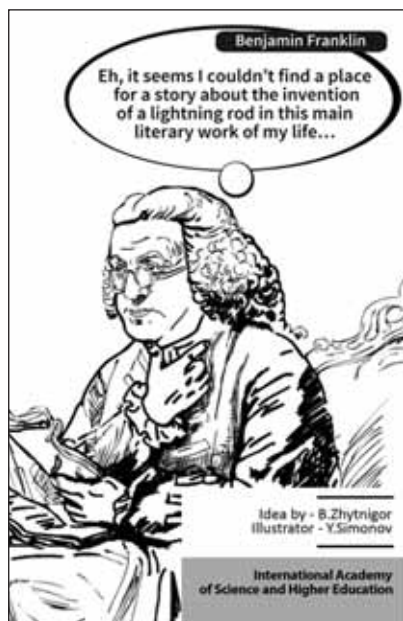
Bd. VI: Dichtungen, Jugendarbeiten, Dokumente: 1806–1843. – XXVIII. – 573 P.

Литература:

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества / Михаил Бахтин; [сост. С. Бочаров; примеч. С. Аверинцева, С. Бочарова]. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Платон. Избранные диалоги / Платон; [пер. с древнегреч.; сост., вст. статья и комм. В. Асмуса]. – М.: Изд-во “Художественная литература”, 1965. – 442 с.
3. Heidegger M. Sein und Zeit / Martin Heidegger. – 19. Aufl. – Tuebingen: Max Niemeyer, 2006. – 446 S.
4. Heidegger M. Der Ursprung des Kunstwerks / Martin Heidegger; [mit einer Einfuehrung von Hans-Georg Gadamer]. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2005. – 117 S. <http://dx.doi.org/10.3196/219458451467155>
5. Heidegger M. Erlaeuterungen zu Hoelderlins Dichtung. Martin Heidegger. – 6., erw. Aufl. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1996. – 208 S.
6. Heidegger M. Unterwegs zur Sprache / Martin Heidegger. – 10. Aufl. – Stuttgart: Neske, 1993. – 269 S.
7. Hermand J. Geschichte der Germanistik / Jost Hermand. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1994. – 280 S. <http://dx.doi.org/10.1515/arbi.1995.13.3.271b>
8. Hirschberger J. Existenzialphilosophie. Johannes Hirschberger. Hirschberger J. Geschichte der Philosophie: Neuzeit und Gegenwart. – 12. Aufl. – Koeln: Komet, 2003. – S. 631–652.
- Hoelderlin Fr. Saemtliche Werke / Friedrich Hoelderlin; [historisch-kritische Ausgabe von Norbert von Hellingrath, Friedrich Seebass und Ludwig von Pigenot]. – 2. Aufl. – Berlin: Propylaeen, 1923. – Bd. IV: Gedichte: 1800–1806. – XXII, 397 S.; Bd. VI: Dichtungen, Jugendarbeiten, Dokumente: 1806–1843. – XXVIII, 573 P.

Information about author:

1. Oleh Radchenko - Candidate of Philology, Drohobych State Pedagogical University named after Ivan Franko; address: Ukraine, Drohobych city; e-mail: olehradchenko@mail.ru

STUDYING THE MOTIVATIONAL RELATIONS OF LEXICAL UNITS

L. Shchiglo, Candidate of Philology, Senior Lecturer
Sumy State University, Ukraine

Motivational relations between the first stems and the secondary stems are determined in linguistics as the separate type of paradigmatic relations on the lexical level and are natural only for the secondary stems. There are three types of motivation on the lingual level: semiotic, formal (word-forming) and semantic. This article deals with the problem of motivational relations between the first stems and the secondary stems of lexical units.

Keywords: motivation, motivatedness, producing stem, derivative stem, motivational relations.

Conference participant

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i6.856>

The problem of motivation in linguistics closely associated, first, with the understanding of language as a special sign of the system and, secondly, making a speech as the main sign language due to structural and social. The concept of motivation is featured in the postulates of ancient Greek philosophy, directly referring to the nature of the name, which reflects the nature of the connection between the name of the object and the object itself. This concept is intertwined with the nomination, with the analysis of the formation mechanism of the language represent different fragments of the world, which is the object of human knowledge.

A special place belongs to the concept of motivation in the derivation, as compliance with the nominative function derived words - the language of secondary units that are the subject of research in the derivation, is not directly, but indirectly, through the primary language units contained in them. Original and derivative words are related as motivating and motivated. However, only the derivative has a special type of relationship – motivational. “Motivatedness – an objective feature of the derived names reflects with its composition and its arrangement, its morphological structure the content structure” [1]. The concept of motivation in the derivation involves not only the existence of a common semantic component, but also the formal and structural compatibility of lexical items related word-formation relations.

Motivation – the process of formation of semantic and formal connection of derivative word with generating word within the sign code of the language system.

Motivatedness – the result of purposeful word-formation process, determined by the presence of a lexical unit, besides its non-derivative root, at least one word-formation formant [2].

So motivatedness is characterized by such lexical units that are exposed to word-formation processes, and provided that the producing and derivative words have a formal community.

Elucidation of the semantic relation of producing bases and derivative words requires the identification of integrating that combines producing and derivative words, and differentiating what distinguishes derived words from producing words both in terms of semantics, and structure.

The meaning of the producing word is based in derivative as its internal form, producing word gives some semantic volume to derivative. Each derivative stem arises on the basis of a certain meaning based on the producing base. Structural and semantic commonality of words is determined primarily by the presence of specific lexical relations, and how derivative stem acquires a certain meaning of the producing base. At the root of the word plays a crucial role in the formation of unity between producing and derivative words, the function of “bearer of unity, which ensures continuity of semantics, is a tangible expression of semantic unity and single-root words, combined with various affixes itself often semantically changes” [3].

Motivational meaning – the value that is shown on the basis of morphemic consist of word, the individual meanings of the word, as opposed to word-formation, as the value of the group [4].

Interpretation of word with its derivatives linked to the concept in its

semantic structure of such a definition, which should include as an integral part of the same root with a derivative formation - just a motivational word. Choice in the act of nomination directly motivating words match your tag name, or rather a basis for comparison – the understanding of the relations between an object or phenomenon, which must be determined. A derivative can be called a name with the status words, the semantic structure of which can be described not only by reference to another of the same root as the sign language, but with built according to certain rules of the semantic definition that discovers, first, directly motivating word, and second, – the nature of its relations with the referent object (phenomenon) reality. Since the first derivation covers derivatives of the name, and its role is to organize and summarize the types of relations that exist between objects of reality, and to make special recourses that can reflect these types of relations.

Motivatedness is the link between the form and content of the sign, one of its important characteristics. Internal form – a necessary characteristic of a semantic word, “mental image” of the object, objectified human social experience and “prompted” him the structural features of the word itself. Expanding the motivatedness of words, it is necessary to consider the characteristics of the components of its value and the internal form. Motivatedness as a characteristic always potentially is involved into an internal form, without revealing all of its sides.

On the linguistic level are three types of motivatedness: the symbolic (semiotic), formal (derivational) and substantive (intensional). Symbolic motivatedness can be understood as

motivatedness in the tight sense, it is inherent in the lexical units that actually functions in the language as a language of signs, the word is motivated by the fact of the existence and use as there is not in language absolutely unmotivated words. They are all connected with the corresponding value at least at the level of general lexic-semantic category. Besides lexical unit is motivated by their system characteristics.

Formal motivatedness is divided into two types: the motivatedness for the external form (phonetic / absolute) and on the inside, where the morphological and semantic distinction. Morphological motivatedness is determined primarily formative model of a lexical unit in and out of the values of its components. It depends on the relationship between form and content derived from the relationship between the base and generating word-formation formant, the relations between the form and the internal value of the derivative as a whole. Semantic motivatedness is the result of the relations between word-formation formant and basis between acquired and previous values, between different modifications of internal forms [5].

Internal form, motivation and motivatedness have significantly differences as epistemologically and functionally:

- motivation – the process, the inner form – means, motivatedness – the result of word-formation act;

- inner form – the regular feature of any word, the motivation is not unique to all units of language (to, for example, do not have the root of the word), motivatedness – the optional feature in word-formation that is if you have one and the same act of motivation it can be realized or become irrelevant;

- motivatedness – the result of the relations between the inner form and meaning, while the motivation is mainly for internal form;

- motivatedness and motivation are characterized by synchronous and elucidation of the inner form often requires disclosure of the etymology of a language unit;

- the degree of motivatedness to change due to the evolution of words, while their inner form is stable;

- motivatedness provides to the

inner form such unusual properties that are showed the brightest sides of denotation;

- motivatedness and inner form (as and motivation) can vary in the amount of information they contain [6].

It should be noted that the producing base besides motivation has some predictive power, which is that it determines the location of the derivative in one of the semantic categories. Often, the same producing base can form with different affixes several derivatives, each of which relates to the corresponding semantic category. The ability of producing basis, to be a “foundation” for the derivatives of various semantic categories depends on the uniqueness or multiplicity of its denotative relatedness of its semantics.

In the structure of the derived word basis, becoming producing, keeps its word-formation potential inherent in simple words. Motivational stems take part in the creation of lexical values of derivative words providing them the values of producing units. Derivatives basics can be so many, how many meanings implements motivational basis.

A comparison of meanings of producing and derivatives words reveals the following regularities:

- if the producing basis is monosemical, the basis of the derivative will also be unique;

- if the producing basis is polysemical, then the derivative stems-variants can range meanings of producing base, often “inherit”, mainly basic, and not figurative.

Decisive role in the formation of a derivative basis of certain semantics plays semantic compatibility of affix with producing base, semantic features prevail, and then the formal characteristics – morphological, phonetic, with which the possibility of a new formation becomes a reality: a new word is formed. Affix choice depends on what part of speech belongs to a new formation, which should be its lexical meaning.

Between producing and derivatives stems of the words there is a close semantic link: “producing and derivative stems bind not some general idea contained in the root of the word and is common to all cognate words. Each

derivative base arises on the basis of a clearly defined value of producing basis. Semantic common of cognate words based on specific lexical meanings inherent in producing basis of word-formation nest” [7].

Consequently, the presence of motivational relations between producing and derivative stems of the word provides an opportunity to explain a producing word through a derivative word, to describe its real content, as well as to determine the nature of word-formation processes in the cognitive and pragmatic aspects.

References:

1. Kubryakova E.S. Category Theory of nomination and word-formation. Language nomination (species name). – Moscow., Nauka [Science], 1977., pp. 39-67.
2. Kiyak T.R. Motivatedness of lexical units. Quantitative and qualitative characteristics. – Lviv., Vishcha Shkola [Higher School], 1988., p. 69.
3. Tihonov A.N. The main aspects of the study of the problem of compatibility of derivational morphemes. Actual problems of Russian word formation. – Tashkent., Tashkent State Pedagogical Institute , 1976., V. 74., pp. 208-209.
4. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen., Max Niemeyer Verlag., 1995., V. 15–19. <http://dx.doi.org/10.1515/9783110256659>
5. Ishchenko N.G. Derivational synonymy in modern German. – Kiev., Publishing Center KGLU, 2000., p. 213.
6. Kiyak T.R. Kinds of motivated of lexical units. Problems of Linguistics. – 1989., No. 1., p. 104.
7. Tikhonov A.N. Semantic correlation of producing and derivatives words. Problems of Linguistics. – 1967., No 2., p. 112.

Information about author:

1. Larisa Shchiglo - Candidate of Philology, senior lecturer, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: l.schiglo@mail.ru

HERMENEUTICAL HORIZONS OF THE EPOCH IN BORYS TENETA'S PROSE

L. Storozhenko, Applicant
National University of «Kyiv-Mohyla Academy», Ukraine

The article deals with the research of the artistic interpretation of the epoch in Borys Teneta's prosaic heritage. The attention is paid to the paradigm of the author's outlook in the context of the historical period of the first third of the XX century.

Keywords: history, modernity, people, nation, epoch.

Conference participant

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i6.857>

In XX century hermeneutics (as a method, theory or philosophy of any interpretation) took its rightful place in the system of the European humanist research, and later it was widely applied in the occidental literature studies, in comprehension of the basic methodological principles on which is based the modern theory of literature.

The impact of contextual connections with the occidental scientific experience and its original Ukrainian historical situation help to establish the methodological principles, after which the modern Ukrainian discourse of literature studies is formed. The system approach to the synthesis of the methodological points, dedicated to the process of reception and the problems of interpretation, is one of the crucial tasks of the modern research in the literature studies. The notable actuality is seen while studying the question of the artistic and historical reproducing the epoch, when the author's outlook conception "integrated" into a piece of belles-lettres, due to its being interpreted in a reader's consciousness, becomes the content of the consciousness itself, the distinctive beacon for the attitude towards the reality, the modernity, the history.

As known, with no history there is no people. Concealing the history means leaving a person with no historical memories and national consciousness, and, as a result, depriving of the possibilities of moral resurrection. Its vivid proof is the situation in Ukraine in the first third of the XX century, the period of waging a large-scale campaign to fight the cultural and spiritual acquisitions of the past. And it is only thanks to belles-lettres, as one of the most powerful means of cognition of a person and instrument of influencing the reality, a person's consciousness, feelings, will, psyche, perception of and attitude towards the world evolve, their national character is formed – their

individuality is created. The literature canvas is a peculiar historical reference book, in which is written down the past, the present, the possible future, and owing to which new notions are formed in imagination, feelings, unknown before, are born in souls. The authors, creating typical images and generalising life phenomena, reveal their own attitude towards the events depicted.

Borys Teneta's creative work reflects the most characteristic features and peculiarities of the evolution of the national literature, the culture, the history of the totalitarian period, the victim of which was the author himself. Borys Guriy (the author's real surname), being forcibly excluded from the literature process, united in his texts the best qualities of a writer, a philosopher, a conscientious citizen, yet the life path and the artistic heritage of the talented artist, unlike his contemporaries' ones, remains scantily explored in the domestic literature studies. The explorers generally emphasise the most bright representatives of the "shot down renaissance" period, undeservedly forgetting about all its participants. The separate studios of V. Dmytrenko, V. Melnyk, A. Pecharskyi, M. Chaban and the others, do not create the full image of an artist, do not present the idea of his artistic and aesthetic world-modelling conception. Therefore we should widen the object of the studios' attention, and stress not only the author's artistic heritage as an illustration of the epoch, but also objectively enlighten the number of questions raised by the author, and among them is his vision of history and modernity.

The purpose of the article is researching Borys Teneta's outlook paradigm in the context of the first third of XX century and its interpretation in the author's artistic heritage via the categories of time, spirituality and the people's historical destiny.

The genuine poet according to his internal senses, the frank prosaic by his vocation, Borys Teneta, going through life with his invariable motto "And I want to live the time given to me joyfully and fairly" [1, p. 171], understands with no illusions that the truth and the good must be fought for to maintain the national interests, history, and, in the end, one's own identity.

Borys Teneta's artistic heritage is mastering the actual range of modern problems, expressed in an original artistic way. Filled with the world of artistic images and pictures, the prose, at first sight, does not have any notable differences, but after some time a reader realises that it is not just a realistic reproduction of the author's contemporaneity, but a deep analysis of the hypercomplex historical epoch, the reality of the time of the totalitarian system, when a humble wish "to live joyfully and fairly" was almost unrealisable.

The author's lot was the complicated life choice, the path of artistic seeking and ideological struggle. The government's nihilistic attitude towards the Ukrainian people, the national history, the ancient customs and traditions was tearing the literature, contemporary with the author, away from its origins, depriving it of the national selfhood. Gradually the artistic word gains the contrasting colours of the dark past and the bright present, turns into the glorification of the party's achievements, different sorts of slogan-leaflets, and the characters of the literature works cease to feel, cannot empathise...

Under such circumstances Borys Teneta had to fight for the fate of the literature, the culture, the history, and eventually for the destiny of his people. Reflecting over the contemporaneity, people's essence and their past, the national selfhood, the author creates an original artistic prose, which does not

meet the requirements of the party's ideology. The very first of his prose works attracts attention of readers and, certainly, critics. Borys Teneta's contemporary, critic Oleksiy Poltoratskiy, wrote on the pages of "Proletarska Pravda": "As for the social essence of Teneta's stories, we have to mark that there are not any (!) This is a strange and paradoxical thing... The revolution passes past Teneta's characters, and all the changes happened after it are perceived passively" [5]. Yet the analysis of the author's artistic heritage forces not to agree with the critic's words. Borys Teneta is an active writer of the Kiev literature and artistic periodical "Life and Revolution" (1925), which was "widely spreading its pages for the young Ukrainian literature sprouts" [2, p. 131]. It is exactly where Teneta's "Unemployed" is published – the short story, in which the author plunges into the inner world of the person, who has no job and therefore no means of adequate existence. Thinking over the lines depicting the fully satisfied reality against the background of poor life of the biggest part of the society: "... on the corner of the Avenue and Velyka there is a café. Music is heard and people are eating..." [6, p. 17], – we create an excursus into NEPman Katerynoslav of the first third of the previous century and the parallel with the no less contrasting present.

The continuation of the same "absence" of the social, that is the model background for comprehending and learning the national history, can be found in Teneta's further works. So, in the short story "Famine" (1927) the author continues interpreting his contemporary reality through the eyes of an artistic individual, who, like the author himself, understanding the essence of the time he lives in ("...I have heard an interesting talk of one young lady... What is the point in her entering the institute? (It is not a big deal she was not accepted). She will take the typist courses and with Ivan Semenovych's help (he is the technician, who wormed his way into the party during the Lenin's admission; she could not believe at first that such a reputable etc...) she will get a position and become a communist" [8, p. 15]), cannot confront the reality for a banal reason – he has no physical force, because "...wanted to write on this topic and wanted to add some

morale as well, so to say, because of such people everything gets corrupt, do not let such selfish ones into the party! Wanted but did not succeed... One cannot write with an empty stomach!" [8, p. 15]. Certainly, this is not the "social essence" that the cruel system wanted to see, not these words: "A proletarian must not cry even if starving! A proletarian must never lose courage! I shake my head and say: what fool said it? ...what fool?" [8, p. 38], satisfied the demands of the totalitarian reality. Such outlook bases of the author could not avoid the tragic fate – Borys Teneta, after committing suicide, was found among the talented writers forcefully excluded from the literature process, whose works are interesting for a modern researcher not only from the point of view of the artistic interpretation, but also as the history, the illustration of the epoch.

Going through the pages of Teneta's works gives the possibility to speak of the author's deep penetration into the people's social life, of covering the wide range of crucial problems of the reality contemporary with the author. Trying to retrieve the roots of the menacing disharmony in the society, the author in his artistic imagination goes back into the revolution years. Thus in 1929 a collection of short stories "The Tenth Second" is published ("The Tenth Second", "Smiths", "Hatred"), and its leitmotif is realising that implanting the interclass hatred awakens inhumane instincts in an average individual and lays the bases of cruelty and hatred of one person towards another. The bright example is the fact from the "Hatred" short story that the red commander Gnat Vlasenko fights against the Petlura squad, led by his brother Kindrat, and, being captivated by his own people, cannot prove that he is a soldier of the Red army, and, having an opportunity to run away, does not dare to do it and dies by the hand of his fellow Red army soldiers, although "dying by one's own hands is senseless, ridiculous... knowing your death is worth nothing..." [9, p. 19].

The author's talent and vision of the artistic world and reflections of the history and the contemporaneity in it are the most widely seen in the genre of novelette, as a form of the optimal reflection of the events of that time reality. In 1927 from under the author's

feather comes the novelette "Harmony and Pigpen". The allegorical and symbolic name of the work indicated the contradicting essence and character of the author's perceiving the situation in the country of that time. Depicting two contrasting forms of people's lives – the "pigpen" as a symbol of the cruel and dirty today, where all of us "stand in a knee-high marsh. There is the sun somewhere... There is... For it penetrates through a crack and even gilds the marsh, and pigs are lying around in the warm mud and grunting with satisfaction. They feel good, they have no thoughts and doubts at all. Should you start trying to awaken them, they will call you an idiot. Do not think they keep holding the past. It would not be bad, but they can smell everything new and fresh, victorious, and they crawl there, bringing their pigpen along" [7, p. 66], and "harmony" as an illusion of the ideal society, where "there will be people someday, when there is harmony... But that time must be very distant, I cannot even imagine how distant, even though I work and built that sunny harmony" [7, p. 67], Borys Teneta introduces into the text clearly symbolic images of the main characters Kateryna and Mykhailo, whose relations are built on the life contrasts, and are the reflections of the opposed directions of the life of that time. Like-minded people and spiritually close in the past, filled with the dreams of the happy future, they assault Perekop during the civil war, an on meeting again in some time, they turn out to be different and strangers to one another. Mykhailo, recalling his beloved one's "dark eyes and the words persistently anxious", thinks: "Strange they are. They create obstacles for themselves, and then struggle. Katherine is the same... You should do the best the life allows you. You cannot jump over your head anyway. You must not give way to your feelings. You should create a party-discipline for yourself..." [7, p. 49].

In Borys Teneta's prose there is an objective and to some extent innovatory process of the artistic comprehension of complicated life phenomena. The author feels and realises his participation in the people and the nation's destiny. All the tragedy of the first third of the previous century produces an echo in the artist's soul and works, the oppressing impact of

the contemporary with the author social and political situation and the tense in the social and literature life of Ukraine of the mentioned period is clearly felt.

In 1928 took place the voluntary liquidation of the literature-artistic group "Lanka-MARS", the member of which was Borys Teneta. Being the part of the literature-artistic organisation, the author along with its other representatives strived to be the defender of "his national truth, understood and sanctified by all the peoples, without raising the struggle against Marxism, and, if possible, calmly going past it" [4, p. 101]. But honestly "illustrating" the epoch, reproducing the reality of that time seemed to be an utterly difficult task. We cannot fail to agree with the thought of Borys Teneta's comrade, lanchanian T. Osmachka, who mentions in his historico-memoir research of the Ukrainian shot down renaissance, that they should have "had the most neutral attitude towards the government without helping it in anything with an artistic word, and truthfully depicted their own, Ukrainian life in the artistic images, but in the way that was possible under the political conditions of that time... And what do the young Ukrainian writers write about, when they consciously decided to pass past the acuity of the time, which was daily shaking the villages with screams of uproar and violence... treating their writers' duties honestly and bravely meant being arrested by Cheka within a week, with no possibility of being freed till the Last Judgement. And even if someone walks free, their souls are crippled, for very often the person in there is turned into Cheka's secret collaborator. And there was no saving the truthful word" [4, p. 103-104].

G. Kostiuk recalls, that in early 1928 Borys Teneta gave him the typewritten copy of the forbidden leaflet by Mykola Hvyliovyi "Ukraine or Little Russia?" and uneasily said: "To write like that... one must have an outstanding civil courage and talent. Hvyliovyi is the only one among us who has it. But have you read "From Diversion – to the Abyss" by Andriy Hvyliya? Read it to the end. Looks like a grand pogrom is about to break out..." [3, p. 215-216].

In a way, those were the prophetic words – the fatal for the Ukrainian intelligentsia thirties. The arrests of Teneta's close fellow-writers G. Kosynka,

V. Pidmohylnyi, Ye. Pluzhnyk, D. Falkivskiyi and others, meant the end of the authors best artistic plans and hopes, among which was the idea of creating a historical novel, the theme of which was the "history and practice of conquering Mexico by the Spanish colonizers led by Cortez". Shocking episodes, terrible annihilation of the native population of Aztecs and Indians. The Ukrainian literature had not had such a theme so far..." [3, p. 220] – underlined Teneta. Certainly, we cannot fail to mention the fact that the novel would undoubtedly have connections with the actual cruel Ukrainian contemporaneity, and therefore it was being written slowly, with the hope for the changes in the totalitarian state, which instead of supporting and developing the national ideas as a part of the "soviet" internationalism, was destroying the best blossom of the nation in camps and torture chambers.

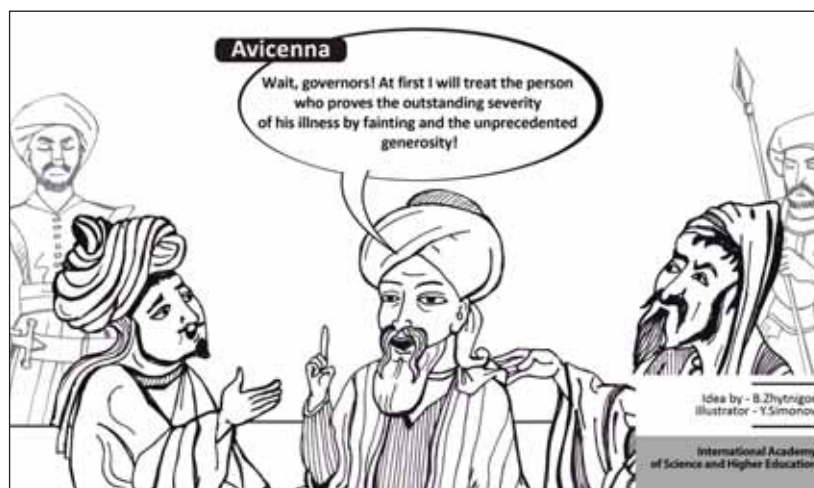
Borys Teneta's ideological and aesthetical struggle represents a new way of thinking, fresh outlook positions. Borys Teneta's works are the whole artistic world, in which not only the author's personality is reflected, but also the history and the contemporaneity of the people. The author shows the inseparable connection of the time, he created the system of images incarnating the nation's character, psychology and wisdom. Is this meaning the author's artistic heritage will always be modern and actual, for it is determined by the necessity of revealing the historical truth, understanding the national past, educating the national consciousness of the separate generation.

References:

1. Antonenko-Davydovych B. Unrealisable Poetry. B. Antonenko-Davydovych. Antonenko-Davydovych, B. From Afar and From Nearby. - Kiev., Soviet Writer. - 1969., pp. 169-173.
2. Chaban M. Bloody Throat Whispers Words...: [Borys Teneta is a victim of the "Shot Down Renaissance". 70th anniversary of the Writers' Society] M. Chaban, Sicheslav. - 2004., No.1. pp. 130-133.
3. Kostiuk G. Meetings and Farewells: Memories in 2 volumes. Institute of Literature of the National Academy of Sciences of Ukraine and the others - Kiev., Smoloskyp., 2008. – 718 p.
4. Osmachka T. My Comrades T. Osmachka, Berezhil. - 1996., No. 3-4. - pp. 95-124.
5. Poltoratskyi O. Critical Responses ,O. Poltoratskyi, Proletarska Pravda. - 1927., May, 8.
6. Teneta Borys. Unemployed. Borys Teneta. Life and Revolution. - 1925. – No.6-7. - pp. 16-22.
7. Teneta Borys. Harmony and Pigpen. Ch. I. Borys Teneta. Life and Revolution. - 1927. – No. 8. - pp. 48-75.
8. Teneta Borys. Famine, Borys Teneta. Letters from Crimea. - Kiev., Masa. - 1927. – pp. 15-30.
9. Teneta Borys. Hatred / Borys Teneta. – Dnipropetrovsk., Zoria, 1930. – 32 P.

Information about author:

1. Leena Storozhenko – Applicant, National University of "Kyiv-Mohyla Academy"; address: Ukraine, Kiev city; e-mail: st-leena@i.ua

INTERNATIONAL UNIVERSITY

OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE
ANALYTICS OF THE IASHE

- DOCTORAL DYNAMIC
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL
PROGRAMS
- ACADEMIC SCIENTIFIC
AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED
LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM
OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL
QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS

<http://university.iashe.eu> e-mail: university@iashe.eu Phone: + 44 (20) 32899949

GISAP Championships and Conferences 2015

Branch of science	Dates	Stage	Event name
FEBRUARY			
Education and Psychology	12-17.02	I	Problems of quality of knowledge and personal self-actualization in terms of social transformations
Philological Sciences	24.02-02.03	I	Development of language systems in the context of accelerated dynamics of public relations
Culturology, Sports and Art History / History and Philosophy	24-30.03	I	World-outlook aspects of development of the historical process and the spiritual culture formation
MARCH			
Medicine, Pharmaceutics / Biology, Veterinary Medicine and Agriculture	24-30.03	I	Modern methods of resistance to the influence of pathogenous factors on the person and biospheric processes
APRIL			
Economics, Law and Management / Sociology, Political and Military Sciences	21-27.04	I	The dominant of the humanism principle in modern social concepts and the civilized practice of public relations
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences	21-27.04	I	Studying the nature of matter and physical fields in the search for ways of the fundamental scientific gnoseology problems solution
MAY			
Technical Sciences, Construction and Architecture	13-19.05	I	Technical progress of mankind in the context of continuous extension of the society's material needs
JUNE			
Education and Psychology	04-09.06	II	Functions of upbringing and education in conditions of the accelerated socialization of the personality in the modern society
Philological Sciences	25.06-01.07	II	Development of the spoken and written language at the current stage of the intensive information turnover
JULY			
Culturology, Sports and Art History / History and Philosophy	21 -27.07	II	The event-based structure, as well as cognitive, moral and aesthetic contents of the historical process
Medicine, Pharmaceutics / Biology, Veterinary Medicine and Agriculture	21-27.07	II	Life and health of the person through the prism of the development of medicine, food safety policy and preservation of the biodiversity
AUGUST			
Economics, Law and Management / Sociology, Political and Military Sciences	05-11.08	II	Modern trends in the intensive development of public relations and actual methods of their effective regulation
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences	05-11.08	II	Material objects and their interactions in the focus of modern theoretical concepts and experimental data
Technical Sciences, Construction and Architecture	26-31.08	II	Peculiarities of development of public production means and material recourses ensuring the activity of the person in early XXI century
SEPTEMBER			
Education and Psychology	15-22.09	III	Pressing problems of interpersonal communications in the educational process and the social practice
OCTOBER			
Philological Sciences	08-13.10	III	The role of linguistics and verbal communications in the process of informational support of ethnic originality of nations and their progressive interaction
Culturology, Sports and Art History / History and Philosophy	21-27.10	III	Factor of ideology and the driving force of human aspirations in the process of historical formation of moral and aesthetic culture
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics / Biology, Veterinary Medicine and Agriculture	04-09.11	III	Modern features of development of Biological science as factors of solution of pressing problems of human survival and the natural environment
Economics, Law and Management / Sociology, Political and Military Sciences	19-25.11	III	Conditions and aims of development of public processes in the context of priority of liberal values and respect to moral and cultural traditions
DECEMBER			
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences	03-08.12	III	Innovative approaches to the solution of systemic problems of fundamental sciences and matters of practical implementation of innovations
Technical Sciences, Construction and Architecture	16-21.12	III	Combination of factors of productivity, efficiency and aesthetics in modern requirements to functions and quality of technical devices and construction projects

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom
Phone: +442032899949
E-mail: office@gisap.eu
Web: <http://gisap.eu>